

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

ВОПРОСЫ
РАССМОТРЕНИЯ
СУДЕБНЫХ АКТОВ
ВЫШЕСТОЯЩИМИ
СУДАМИ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
(БАНКРОТСТВО)

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

№ 6/2020

ISSN 1812-383X

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 6/2020

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 **Потапова Л.В.** Первые итоги процессуальной реформы

7 **Самсонов Н.В.** Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права

12 **Звягина Н.С.** Процессуальный риск в контексте реализации принципа правовой определенности

19 **Потапенко Е.Г.** Процессуально-правовые комплексы в механизме правового регулирования гражданско-процессуальных отношений

24 **Можилан С.А.** К вопросу о разграничении компетенции судов при рассмотрении споров, связанных с наследованием корпоративных прав

29 **Раздяконов Е.С.** Право на получение информации о судебном корпоративном споре

34 **Вифлянцева А.О.** К вопросу о телеологическом толковании активности суда по делам об оспаривании нормативных правовых актов

39 **Брановицкий К.Л.** Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение

ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ ВЫШЕСТОЯЩИМИ СУДАМИ

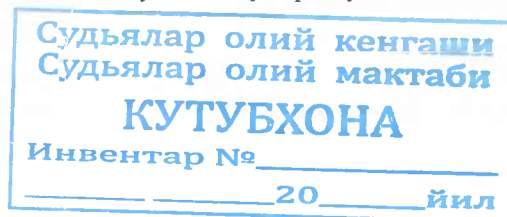
45 **Кайзер Ю.В.** Частичная отмена судебного акта в порядке пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

49 **Чуприков М.В., Николаева А.А.** Проблемные вопросы правовой квалификации отношений, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

55 **Долова М.О., Сеницын С.А.** Пределы проверки решения третейского суда на предмет его противоречия публичному порядку Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ**ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,****РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифудин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;

Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;

Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;

Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;

Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;

Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;

Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;

Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;

Треушников М.К., доктор юридических
наук, профессор;

Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;

Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;

Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

**ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

**ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ
ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88

(многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.

E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;

Почта России. Электронный каталог — П1715.

Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 08.06.2020.

Номер вышел в свет: 17.06.2020.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного
цитирования.

**Потапова
Лариса Витальевна,**
доцент кафедры гражданско-
правовых дисциплин Крымского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат исторических наук,
советник юстиции
polavit@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-3-6

Первые итоги процессуальной реформы

В ходе настоящего исследования были проанализированы основные цели процессуальной реформы, реализуемой с 2019 года. Несмотря на то что с начала ее реализации прошло не так много времени, уже можно оценить первые итоги. Автор сгруппировал последствия, полученные в ходе начального этапа реформирования гражданского, административного и арбитражного законодательства, в три блока — те, которые носят позитивный характер, негативный характер, и те, которые оказывают незначительное влияние либо трудно оценимы в настоящий момент.

Ключевые слова: процессуальная реформа, подсудность, подведомственность, упрощенный порядок судопроизводства, цивилистические процессуальные кодексы, мотивировочная часть судебного решения, суд общей юрисдикции, арбитражный суд, взыскание судебных расходов.

В октябре 2019 г. были внесены серьезные изменения в действующее процессуальное законодательство. Некоторые вопросы вызвали серьезные дискуссии. В частности, достаточно критически оценивались инициативы по введению института поверенного, исключения договорной подсудности, порядка составления мотивированных решений по делу, увеличения количества дел, которые подлежат рассмотрению в упрощенном порядке, порядка судебных извещений и т.д. Все изменения нацелены на унификацию действующих ключевых цивилистических процессуальных кодексов, создание условий функционирования подсистем судов общей юрисдикции и арбитражных судов в рамках единой судебной системы, а также в повышении эффективности судебных разбирательств и экономии денежных средств¹. В результате длительных обсуждений закон был принят, активно реализуется, и уже можно подвести некоторые предварительные итоги.

Следует подчеркнуть, что изменения, которые вносит Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, целесообразно для большей наглядности

дифференцировать на несколько групп в зависимости от того, какой именно институт подлежит реформированию. Анализ норм данного нормативно-правового документа позволяет выделить следующие концептуальные моменты²:

- компетенция судов, отводы составу суда, представительство;
- примирительные процедуры;
- упрощенное производство, приказное производство;
- производство в суде апелляционной инстанции;
- пересмотр вступивших в законную силу постановлений в кассационном порядке;
- пересмотр судебных актов в порядке надзора.

Помимо перечисленных изменений, отдельно следует выделить преобразования, которые носят технический характер, которые нельзя оценивать как фундаментальные преобразования и в корне меняют представление о корректируемом институте.

Особый интерес представляет собой позиция В. Гавриленко, который предлагает дифференцировать последствия

¹ Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 137.

² Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (в ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 4 декабря.

от внесенных изменений на несколько групп, а именно³:

- позитивные;
- негативные;
- незначительные либо сложно оцениваемые на текущий момент.

Рассмотрим содержание каждой из перечисленных групп более подробно. Прежде всего, положительной оценки заслуживает тот факт, что не все предложения, которые содержались в первоначальной версии закона, были приняты в конечном итоге. Это касается нормы об отказе от обязательного составления мотивировочной части судебного решения. Данную позицию можно объяснить тем, что отсутствие мотивировочной части судебного решения позволило бы судам вообще не обосновывать и не комментировать принятые решения. В конце концов, это могло привести к фактическому ограничению права на доступ к правосудию.

Помимо этого, были приняты во внимание замечания о порядке извещения в гражданском и административном процессе. Изначально полагалось, что гражданин считается извещенным надлежащим образом, если судебная повестка или иное судебное извещение вручены или лично ему, или проживающему совместно с ним совершеннолетнему лицу. При этом данный факт подтверждался составлением расписки. Однако данное предложение было принято весьма критично. Объяснить это можно следующим образом: совершеннолетние лица, которые проживают совместно с лицом, кому адресовано извещение, не несут ответственности за передачу соответствующей информации. Это, в свою очередь, существенно снижает гарантии надлежащего уведомления.

Еще один момент, который не нашел отражения в итоговой версии закона, связан с введением нового участника процесса — поверенного. Дело в том, что не до конца были объяснены смысл его введения в процесс.

Далее, положительной оценки заслуживает нововведение, которое затрагивает обязанность арбитражных судов и судов общей юрисдикции перенаправлять дела с учетом подсудности в зависимости от компетенции. Это означает, что в случае, если в процессе рассмотрения конкретного дела станет очевидным, что оно подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции, то арбитражный суд должен передать данное дело в областной либо равный ему суд того же субъекта, который в последующем перенаправит его в суд общей юрисдикции по подсудности. И, наоборот, в случае ошибки при подаче иска в суд общей юрисдикции дело передается в соответствующий арбитражный суд. Положительной оценки заслуживает то, что такой подход всецело способствует упрощению и ускорению процедуры подачи иска.

Кроме этого, изменения гласят, что представителем в суде может быть только лицо, обладающее высшим юридическим образованием или ученой степенью по направлению юриспруденции. Такое нововведение несет в себе определенные гарантии качества услуг, которые получают лица, обратившиеся за юридической помощью. Более того, это позволит в некоторой степени разгрузить судебные органы от рассмотрения дел при участии неподготовленных и непрофессиональных представителей.

Несмотря на ряд позитивных изменений, которые несет в себе реформа процессуального законодательства, некоторые из них могут привести к отрицательным последствиям.

Следует подчеркнуть, что в контексте данного исследования нам удалось выяснить, что одна из ключевых целей настоящей процессуальной реформы состоит в достижении единства судебной системы. С учетом этого, интересной представляется точка зрения, выдвинутая А.А. Таласпаевой⁴, которая подробно анализирует положения трех основных

³ Гавриленко В. Плюсы и минусы процессуальной реформы // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». 12 декабря 2018 г. (дата обращения: 25.04.2020).

⁴ Таласпаева А.А. Упразднение института подведомственности как итог процессуальной реформы // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 200.

цивилистических процессуальных кодексов — Арбитражный процессуальный, Гражданский процессуальный кодексы и Кодекс административного судопроизводства. Она отмечает, что из содержания АПК РФ исчезают некоторые параграфы, касающиеся подведомственности и подсудности. При этом понятие «подведомственность» заменяется на термин «компетенция», а понятие «подсудность» остается без изменений. В измененном ГПК РФ подсудность охватывает также и подведомственность. Однако вопросы о компетенции не затрагиваются. В КАС РФ терминологических изменений внесено не было: нормы, регулирующие подведомственность и подсудность остались без изменения.

Исходя из представленного анализа, можно с уверенностью говорить о том, что в перечисленных кодифицированных актах существует явно прослеживающееся противоречие. Как следствие, идея единства судебной системы, которая лежит в основе реализации процессуальной реформы, не прослеживается, что недопустимо.

Кроме того, новые правила вводят новые требования к сведениям об ответчике, которые понадобятся вносить при подаче иска в арбитражном и гражданском процессе.

Речь идет о том, что если ответчик — физическое лицо, то понадобится ввести СНИЛС, ИНН, серию и номер паспорта, водительского удостоверения или свидетельства о регистрации автомобиля. Однако очевидно, что у заявителя таких сведений об ответчике может и не быть. Поэтому не ясно, какие действия он должен предпринять в этом случае. Кроме этого, непонятно, как данные сведения будут соприкасаться с нормами действующего закона о защите персональных данных. С учетом этого, анализируемое нововведение может привести к ограничению законного права лица на судебную защиту, поскольку условия, обязательные для выполнения заявителем, по факту являются трудно-выполнимыми либо вовсе невыполнимыми.

Отдельного внимания заслуживают вопросы, регулирующие изменение сроков, отведенных на подачу заявления о взыскании судебных расходов. Если ранее срок составлял 6 месяцев в арбитражном процессе и не установлен вовсе в гражданском и административном процессе, то изменения сокращают данный срок до 3 месяцев. Это, безусловно, отразится на количестве поданных заявлений и на сумме возмещения расходов: они существенно уменьшатся, поскольку в течение данного срока не все лица смогут в силу определенных причин заявить о своем намерении.

Что касается изменений действующего процессуального законодательства, связанных с увеличением количества дел, рассматриваемых в упрощенном и приказном порядке, то они не несут в себе выраженной позитивной или негативной окраски. Здесь целесообразно упомянуть об изменении размера сумм взыскания. Если изначально ее размер составлял 250 000 рублей для индивидуальных предпринимателей и 500 000 рублей для организаций, то теперь они увеличатся и составят 400 000 и 800 000 рублей соответственно. Данное увеличение не отразится на деятельности судебных органов⁵.

Следующим изменением технического характера является необходимость подачи отдельного заявления для получения исполнительного листа в гражданском и арбитражном процессе. На практике заявитель также оформляет такое заявление.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сказать о том, что реформирование процессуального законодательства назревало уже давно и нацелено на унификацию действующих цивилистических процессуальных кодексов, создание условий функционирования подсистем судов общей юрис-

⁵ Трезубов Е.С. «Процессуальная революция». Обзор изменений в цивилистические процессуальные кодексы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3 (2). С. 190.

дикции и арбитражных судов в рамках единой судебной системы, а также на повышение эффективности судебных разбирательств и экономии денежных средств. И, как и в случае с внесением изменений в любой закон, последствия от его практической реализации могут оцениваться с положительной и отри-

цательной стороны. Однако это лишь первоначальные итоги реформирования процессуального законодательства, которые в будущем могут усилиться либо быть ослаблены. В любом случае выявленные недостатки и пробелы требуют дальнейшего рассмотрения, анализа и преобразования.

Литература

1. Гавриленко В. Плюсы и минусы процессуальной реформы / В. Гавриленко // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» (дата обращения: 25.04.2020).
2. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) / В.В. Момотов // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146.
3. Таласпаева А.А. Упразднение института подведомственности как итог процессуальной реформы / А.А. Таласпаева // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 200–202.
4. Трезубов Е.С. «Процессуальная революция». Обзор изменений в цивилистические процессуальные кодексы / Е.С. Трезубов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3 (2). С. 187–196.

Дорогой читатель!

Мы издаем научные журналы уже более 25 лет для нашего общего вклада в развитие российской юридической науки, формирования правовой мысли и для обмена практическим опытом. Мы благодарим Вас за интерес к журналам и хотим сохранить наше сотрудничество. Для Вашего удобства часть архивных номеров наших журналов представлены в открытом доступе на сайте www.lawinfo.ru и на сайте наших партнеров. Для Вашей экономии мы разработали предложения о долгосрочной подписке!

- при оформлении годовой подписки на любой журнал на 2021 год — 25 %
- при оформлении подписки на второе полугодие 2020 г. + годовой подписке на 2021 г. — скидка составит 35 % на любой журнал, по Вашему выбору.

Мы вместе с Вами в любой ситуации!

Юристъ
издательская
группа

Самсонов

Николай Владимирович,
доцент кафедры гражданского
процессуального права
Ростовского филиала Российского
государственного университета
правосудия,
кандидат юридических наук,
доцент
nsamsonov@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-7-11

Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права

В статье исследуется место и роль общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров в системе гражданского процессуального права России. Отмечается актуальность и дискуссионность данного вопроса. Анализируется значение принципов и норм международного права для развития отечественного гражданского процессуального права. Исследуется вопрос о возможности признания международного обычая источником (формой) гражданского процессуального права. Обосновывается тезис о необходимости фиксации содержания международного обычая в межгосударственном договоре Российской Федерации как непременном условии подтверждения наличия санкции государства на его применение в гражданском судопроизводстве. Отмечается, что положения международного обычая, прямо закрепленные в международном договоре, меняют форму своего внешнего выражения, и в таком случае именно международный договор становится источником (формой) отечественного гражданского процессуального права.

Ключевые слова: общепризнанные принципы и нормы международного права, источники (формы) гражданского процессуального права, международный обычай, международный договор, Конституция Российской Федерации.

В советский период общепризнанной была точка зрения на гражданское процессуальное право как на «единую систему общесоюзных и республиканских гражданских процессуальных норм, обеспечивающих осуществление правосудия по гражданским делам, выполнение задач советского гражданского судопроизводства»¹, а акты международного права (договоры и конвенции) в состав этой системы не включались. Это было абсолютно верно для советской юридической науки, признававшей в качестве источника (формы) гражданского процессуального права только закон.

В постсоветский период подобной позиции придерживался Я.Ф. Фархтинов, обосновывавший утверждение о

том, что нормы международного права не могут стать внутригосударственными, а следовательно, международные договоры не могут стать «источниками внутригосударственного гражданского процессуального права»². По его мнению, и ратификация, делающая международный договор обязательным для национального суда, не превращает его в источник национального гражданского процессуального права, не встраивает его в иерархическую систему права внутригосударственного³.

Мы полагаем, что в современный период, характеризующийся разнообразными глобализационными процессами, в том числе в области права, не следует абсолютизировать утверждения о невозможности того или иного акта принадлежать к различным системам права.

¹ Курс советского гражданского процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. В 2-х томах. Т. 1 / Т.Е. Абова, П.П. Гуреев, А.А. Добровольский, А.А. Мельников и др.; редкол.: П.П. Гуреев, А.А. Добровольский, А.А. Мельников (отв. ред.), В.С. Тадевосян, П.Я. Трубников. М.: Наука, 1981. С. 72.

² Фархтинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 190.

³ Там же. С. 184–193.

На сегодняшний день международное право «создает права и обязательства не только для государств, но и непосредственно для физических и юридических лиц, имеет прямое действие во внутригосударственной сфере»⁴.

Нам видится, что сама сущность права обеспечивает проницаемость границ между правовыми системами. Право проявляется, становится доступным для восприятия и осознания не в одном, а во многих источниках (формах) права. И каждый из этих источников, в свою очередь, содержит, как правило, более одной нормы права. Эти нормы можно, образно говоря, представить в качестве составных частей, элементов, деталей, блоков, кирпичей, составляющих право. Но ведь даже реальный, физически существующий кирпич или блок может быть составной частью нескольких зданий, нескольких изолированных помещений, если у них общая стена. Определяя принадлежность входной двери в квартиру, мы заметим, что это и часть подъезда, и часть квартиры. Подобные явления мы можем наблюдать и в праве. Например, положения материального закона, регулирующие ответственность, достаточно часто содержат одновременно и нормы процессуального права, устанавливающие доказательственные презумпции.

Аналогичным образом и международные договоры, заключенные по вопросам гражданского процесса, содержат нормы международного права, которые, как нам представляется, одновременно можно рассматривать и как нормы внутренние, поскольку они не просто оказывают влияние на национальное судопроизводство, но и являются регулятором гражданских процессуальных правоотношений, реализуемых в российских судах. Эти нормы встраиваются в систему российского гражданского процессуального права, тем самым международные договоры выступают как источник (форма) внутригосударственного гражданского процессуального права, не

переставая быть при этом источником права международного.

Российская Конституция прямо включила общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в отечественную правовую систему в качестве ее составной части (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации). Более того, в части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»⁵ содержится правило о непосредственном действии на территории России официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующих издания внутригосударственных актов для их применения. ГПК РФ также закрепляет приоритет правил гражданского судопроизводства, установленных международным договором Российской Федерации, над внутренним законодательством о гражданском судопроизводстве (ч. 2 ст. 1 ГПК РФ), а нарушение прав и свобод человека и гражданина, гарантированных в том числе общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, называет в числе оснований для отмены судебных постановлений в порядке надзора (п. 1 ст. 391.9 ГПК РФ).

Таким образом, мы видим, что в настоящее время представления о системе права, системе его форм изменилось. Международные нормы могут непосредственно действовать в национальной правовой системе, в том числе регулировать гражданские процессуальные правоотношения.

Международные договоры, как правило, рассматриваются в качестве источников отечественного гражданского процессуального права, но правовой статус двух иных элементов, включенных российской Конституцией в отечественную правовую систему, — общепризнанных норм и принципов международного права — на сегодняшний день не установлен достаточно четко. В Конституции Российской Федерации и федеральном за-

⁴ Марочкин С.Ю. Соотношение юридической силы норм международного и внутригосударственного права в правовой системе Российской Федерации // Российский журнал международного права. 1997. № 2. С. 43–44.

⁵ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

конодательстве не содержится указаний на то, что следует понимать под общепризнанными принципами и нормами международного права, отсутствуют и характеризующие их признаки.

Попытку дать определения указанным понятиям сделал Верховный Суд Российской Федерации, предложивший рассматривать их как «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо»⁶, умолчав при этом о форме, в которой они существуют, закрепляются, выражаются.

Мы считаем, что указанные правовые феномены могут существовать как в писаном праве, так и в обычном, как закрепляться в тексте международных договоров и конвенций, так и существовать в форме международных обычаев. Однако мы не поддерживаем точку зрения на международный принцип как на форму существования права. Нам видится, что авторы, рассматривающие принципы как форму права, без различения воспринимают их сущность (содержание) и форму, в которой она проявляется вовне, то есть смешивают явления разного порядка, разной значимости. Примерно такой же результат мы можем наблюдать в рассуждениях о стакане воды, как о чем-то едином, неразрывном, где неразличаемы собственно вода и стакан, в который она налита. Основная причина такого достаточно часто допускаемого

смещения формы и содержания, к нашему сожалению, находится в тексте Конституции Российской Федерации, которая ставит внешнюю форму выражения права — международный договор — и содержание — общепризнанные принципы и нормы международного права — в один ряд, на одну ступень, что представляется проявлением некоторой теоретической небрежности, явившейся закономерным результатом определенной поспешности, наблюдавшейся при принятии главного российского закона.

Если пойти от противного, то есть допустить правомерность вышеописанного смещения, мы неизбежно заметим, что в подобном случае будет совершенно непонятно, где находят свое воплощение общепризнанные, основополагающие (общие) принципы и нормы международного права. Если эти правовые феномены не содержатся в международных договорах и обычаях, то откуда, из какого «юридического эфира» или «поля правовой энергии» их следует извлекать?

Мы придерживаемся точки зрения, что принцип — это своеобразная, особая норма права высшей силы, характеризующаяся такими чертами, как объективность, универсализм, глобальность, эффективность⁷, и эта норма находит свое внешнее выражение, существует (эксплицитно или имплицитно) в той или иной форме. Соответственно, теоретически более верно рассматривать в качестве источника (формы) права не сами принципы и нормы международного права, а те внешние формы, в которых они воплощаются и посредством которых они включаются в систему российского гражданского процессуального права.

В качестве таких форм теоретически можно рассматривать международные договоры, международные обычаи, акты международных организаций и международных судов⁸. Однако все указанные

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 г. № 5 // Российская газета. 2003. № 244. «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо (в частности, принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств), а под общепризнанной нормой международного права — правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного».

⁷ Коновалов А. В. К вопросу о понятии принципов права // *Lex russica*. 2018. № 8. С. 81–87.

⁸ При этом нельзя вслед за А. Н. Морозовым не упомянуть то обстоятельство, что глава 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации «полностью соответствует стандартам защиты прав человека, заложенным важнейшими международными договорами о защите прав человека и основных

формы существования международного права исследовать в рамках одной статьи, объем которой весьма ограничен, не представляется возможным, поэтому сконцентрируемся на вопросе о возможности существования такой формы гражданского процессуального права, как международный обычай.

Обращаясь к вопросу о возможности признания международного обычая источником (формой) российского гражданского процессуального права, следует отметить, что такая характеристика, как общепризнанность принципа и нормы, существующих в форме обычая, мировым сообществом государств в целом является излишне неопределенной и неприемлема для использования в целях регламентации гражданского судопроизводства. «В целом», очевидно, означает не всеми, а большинством. В связи с этим правомерно поставить ряд вопросов. Насколько убедительным должно быть это большинство? Должна ли Россия находиться в составе этого большинства? В юридической науке на этот счет высказаны самые разные воззрения.

С нашей точки зрения главным является не то, «признана или нет конкретная норма убедительным большинством государств»⁹ или преобладающим большинством¹⁰, а то, что норма воспринимается Российской Федерацией в качестве общепризнанного принципа или общепризнанной нормы.

Если допустить верность противоположных взглядов, то подобный подход позволит той или иной группе государств навязывать остальным государствам

чуждые и неприемлемые для них обычаи в качестве обязательных. В современных условиях, когда «появление неких новых конституционных ценностей» вызывает, по мнению Н.С. Бондаря, социокультурное противостояние¹¹, такое навязывание является недопустимым, тем более в такой важной сфере государственной жизни, как судопроизводство.

Исходя из вышесказанного, для использования норм международного права в гражданском судопроизводстве необходимо наличие четко выраженного согласия (санкции) государства, причем согласия, имеющего конкретную форму, отвечающую требованиям правовой определенности.

В статье 15 Конституции Российской Федерации в самом общем виде имеется такая санкция. Однако ее недостаточно для включения конкретного международно-правового феномена в число источников (форм) гражданского процессуального права, но требуется соблюдение ряда дополнительных условий, а именно:

— наличие санкции государства на применение указанного феномена во внутреннем праве;

— созвучность такого феномена требованиям принципа правовой определенности;

— его соответствие Конституции Российской Федерации.

Перечисленные выше условия применительно к нормам международного права, первоначально возникшим в форме международного обычая, могут быть реализованы в процессе заключения государством международных договоров. Именно надлежащая фиксация международных норм и принципов в международном договоре, во-первых, однозначно подтверждает санкционирование государством их применения во внутреннем праве, во-вторых, позволяет достичь приемлемого для правоприменителя уровня правовой определенности содержащихся в них норм, в-третьих, в соот-

свобод», и, следовательно, также является источником (формой), но внутреннего права, в которой находят свое выражение общепризнанные принципы и нормы международного права. См.: Морозов А.Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 33–45.

⁹ Марочкин С.Ю. Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2005. № 4. С. 495.

¹⁰ Воронцова И.В. Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 84–116.

¹¹ Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 9. М.: Юрист, 2018. С. 24.

ветствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации допускает возможность проверки Конституционным Судом Российской Федерации такого договора до его вступления в силу на соответствие Конституции Российской Федерации. Поэтому необходимость соблюдения данных условий исключает возможность отнесения международного обычая, не санкционированного государством, к источникам (формам) внутреннего гражданского процессуального права.

Именно поэтому мы не можем согласиться с утверждениями, что «приоритетное значение в системе международных норм, применяемых в качестве источников гражданского процессуального права, имеют нормы *jus cogens*» вне зависимости от «их фиксации в международном договоре»¹², то есть существующие в виде международного обычая.

Исходя из этого, международный обычай, несомненно, являясь источником (формой) международного права, сам по себе не может выступать в таком качестве в рамках национального гражданского процессуального права. Тем не менее нормы гражданского процессуального характера, впервые сформулированные в виде международного обычая, могут использоваться в качестве регулятора гражданского судопроизводства. Для этого требуется либо инкорпорация обычной нормы во внутреннее законодательство, либо ее включение в качестве нормы в международный договор, что позволит реализовать вышеуказанные нами условия использования международного обычая в гражданском судопроизводстве, однако одновременно прекратит ее существование в качестве обычной нормы, превратив в норму писаного права.

¹² Воронцова И.В. Место и значение норм международного права в системе источников граждан-

данского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 84–116.

Литература

1. Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму / Н.С. Бондарь. Москва : Юрист, 2018. 83 с.
2. Воронцова И.В. Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права / И.В. Воронцова // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 84–116.
3. Коновалов А.В. К вопросу о понятии принципов права / А.В. Коновалов // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 8. С. 81–87.
4. Курс советского гражданского процессуального права. В 2 томах. Т. 1. Теоретические основы правосудия по гражданским делам / Т.Е. Абова, П.П. Гуреев, А.А. Добровольский [и др.] ; ответственный редактор А.А. Мельников. Москва : Наука, 1981. 464 с.
5. Марочкин С.Ю. Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел / С.Ю. Марочкин // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2005. № 4. С. 486–498.
6. Марочкин С.Ю. Соотношение юридической силы норм международного и внутригосударственного права в правовой системе Российской Федерации / С.Ю. Марочкин // Российский журнал международного права. 1997. № 2. С. 43–44.
7. Морозов А.Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права / А.Н. Морозов // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 33–45.
8. Фархтдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации : диссертация доктора юридических наук / Я.Ф. Фархтдинов. Екатеринбург, 2002. 375 с.

Звягина Наталья Сергеевна,
аспирант кафедры гражданского права
и процесса Юридического факультета
Воронежского государственного
университета (ВГУ),
ассистент кафедры государственного
и административного права
Юридического института Кемеровского
государственного университета (КемГУ)
natalia.sheglova@list.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-12-18

Процессуальный риск в контексте реализации принципа правовой определенности

В настоящей работе автор исследует значение риска в российском цивилистическом процессе. В статье дано понятие процессуального риска в гражданском судопроизводстве, выделены основные признаки риска в цивилистическом процессе, к которым автор относит объективно-субъективную природу, правовой характер, связь процессуального риска с цивилистическим процессуальным правоотношением и другие. Работа содержит анализ положений действующего гражданского процессуального законодательства в части соответствия процессуального риска критериям и требованиям принципа правовой определенности. Автор приходит к выводу, что принцип правовой определенности в гражданском судопроизводстве допускает процессуальные риски, но ограничивает данный выбор возможностями процессуальной формы, не позволяя процессу быть хаотичным.

Ключевые слова: процессуальный риск, риск в гражданском судопроизводстве, состязательность сторон, правовая определенность, процессуальные действия (бездействие).

На сегодняшний день «риск» представляет собой научную категорию, воздействующую на все сферы жизнедеятельности человека¹.

В.И. Даль определял смысл слова «рисковать» как «пускаться наудачу, подвергаться случайности, делать без верного расчета»². В толковом словаре С.И. Ожегова «риск» трактуется как «возможность опасности, действие наудачу в надежде на счастливый исход»³.

А.А. Армянов понимает риск как сознательное волевое поведение лица, направленное на достижение правомерного положительного результата в ситуации с неоднозначными перспективами развития, предполагающей наступление неблагоприятных последствий, повлекшее причинение прогнозируемого вреда⁴.

Таким образом, риск в общем виде представляет собой ситуацию выбора в условиях сложившейся неопределенности.

Согласно ст. 9 АПК РФ лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. Далее термин «риск» неоднократно встречается по тексту АПК РФ (например, ст. 41, ст. 111, ст. 159 АПК РФ).

Кроме того, как указывает А.В. Юдин, некоторые нормы процессуального закона основаны на «рисковых началах». В качестве примера ученый приводит ст. 286 АПК РФ, которая закрепляет невозможность приобщения к материалам дела новых доказательств в ходе апелляционного обжалования, если они не были представлены в суде первой инстанции без уважительных причин⁵.

На наш взгляд, под нормами, основанными на «рисковых началах», следует понимать нормы процессуального закона, допускающие несколько правовых последствий (в том числе не-

¹ Звягина Н.С. Риск как общенаучная и правовая категория // Юрист. 2018. № 6. С. 70.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : подгот. по 2-му печат. изд. 1880–1882 гг. М. : АСТ, 1998. 1 CD-ROM.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М. : Высшая школа, 1993.

⁴ Армянов А.А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. М. : РАП; Волтерс Клувер, 2010. С. 208.

⁵ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 13.

благоприятных), зависящих от действий (бездействий) заинтересованных лиц.

ГПК РФ не раскрывает содержание «риска», однако содержит положения, основанные на «рисковых началах»⁶, базируется на принципе диспозитивности и закрепляет принцип состязательности, сущность которого предполагает распределение рисков между участниками процесса.

Таким образом, можно утверждать, что «риск» присущ гражданским процессуальным отношениям и является результатом совершаемых или не совершаемых заинтересованными лицами процессуальных действий.

Вместе с тем можно ли говорить о «риске» в правоотношениях, имеющих публичный элемент и охраняемых государством, соответствуют ли положения действующего процессуального законодательства в части «риска» принципам гражданского процессуального и арбитражного процессуального права.

Принципы современного отечественного гражданского процесса в настоящее время закреплены не только на уровне Конституции, федеральных законов, но и в ряде международных правовых актов, в частности, в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷. Согласно п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, а значит, международно-правовые нормы, в отношении которых приняты меры имплементации или ратификации, подлежат применению на территории страны. Главенствующим для всей правовой системы и первостепенным для осуществления правосудия является «принцип верховенства права».

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации и доктринальным исследованиям, одним из составных элементов принципа

верховенства права является правовая определенность⁸. В практике высших судов правовая определенность признается одним из основополагающих принципов российского права (публичного порядка), вытекающим из содержания Основного Закона страны⁹.

А.И. Сидоренко отмечает, что Конституционный Суд Российской Федерации использует принцип правовой определенности в четырех значениях: строгость установленных законом сроков, неопровержимость судебных решений, ясность правового регулирования, стабильность правового регулирования¹⁰.

В настоящее время принцип правовой определенности не является прямо поименованным принципом гражданского и арбитражного процесса, однако выступает «идеей, которая сформировалась в результате научного, профессионального и массового (обыденного) представления об идеальной модели отрасли права»¹¹, что подтверждается позициями высших судебных инстанций, а также научной доктриной¹². Кроме того, связь принципа правовой определенности с принципом верховенства права, бесспорно, присущим каждой отрасли, также позволяет признать «правовую определенность» в качестве основополагающей категории гражданского и арбитражного процесса России.

Как принцип гражданского процесса, правовая определенность заключается в ясности и четкости действующих правовых норм, благодаря чему обеспечивается стабильность складывающихся

⁶ Юдин А.В. Указ. соч. С. 14.

⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁸ Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3.

⁹ Принципы частного права : монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М. : Проспект, 2018. С. 312.

¹⁰ Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского суда по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 66–67.

¹¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2006. С. 95.

¹² См., напр.: Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в практике судов общей юрисдикции. М., 2013.

на их основе правоотношений, чтобы заинтересованные лица с разумной степенью вероятности могли предвидеть последствия применения к ним судом действующих правовых предписаний, а также последствия выбора того или иного варианта своего поведения¹³.

С учетом изложенного, в целях определения соответствия процессуального риска требованиям правовой определенности считаем необходимым выделить основные признаки риска в гражданском судопроизводстве.

1. Процессуальный риск в гражданском процессе имеет субъективную и объективную природу.

Субъективность процессуального риска проявляется в предоставленной заинтересованным лицам возможности по своему разумению определять круг необходимых действий, а также возможность бездействия в целях достижения результата и избежания неблагоприятных последствий, что является составляющей фундаментальных процессуальных принципов гражданского судопроизводства — диспозитивности и состязательности.

Как указывал ВАС РФ, судам необходимо обратить внимание на соблюдение принципов равноправия и состязательности сторон процесса, так как процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются по инициативе их участников, что предусматривает свободу распоряжения правами и процессуальными средствами их защиты¹⁴.

Объективность процессуального риска заключается в совокупности обстоятельств, неподвластных конкретному субъекту. К объективным факторам процессуального риска можно

отнести многосубъектность процессуального правоотношения и наделение процессуальных оппонентов равными возможностями по распоряжению процессуальными правами, наличие инстанционности, возможность внесения изменений в действующее законодательство и другое.

2. Процессуальный риск существует в правовой форме и непосредственно связан с гражданским процессуальным правоотношением.

Риск, в силу положений действующего законодательства, является результатом совершения и (или) несовершения субъектом процессуального правоотношения тех или иных действий и (или) бездействий, предусмотренных процессуальным законом.

Так, действия заинтересованного лица могут быть направлены на возникновение процессуального правоотношения (например, подача искового заявления), его изменение (например, отказ от части исковых требований) или прекращение (например, добровольное удовлетворение заявленных требований). Все изложенные действия влекут за собой определенные правовые последствия, которые в большей или меньшей степени носят рисковый характер. Рисковый характер может носить и бездействие участника гражданского правоотношения, яркими примером которого является игнорирование судебного процесса и дальнейшая невозможность реальной защиты в судах вышестоящих инстанций.

При этом важно, что все возможные действия и (или) бездействие субъекта процессуального правоотношения ограничены возможностями процессуальной формы, а следовательно, законом установлены границы неопределенности в цивилистическом процессе, предусмотрен алгоритм действий и их возможных последствий.

С учетом того, что процессуальные правоотношения могут складываться и за рамками судопроизводства, на этапах как предшествующих судебному разбирательству, так и после вынесения

¹³ Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 8. С. 11.

¹⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 октября 2013 г. № 801/13 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.03.2020).

юрисдикционного акта¹⁵, можно утверждать, что и процессуальный риск может возникать за рамками судопроизводства (например, на стадии исполнения судебного акта), но всегда будет находиться в рамках процессуального правоотношения и, следовательно, в рамках правовой формы.

3. Процессуальные риски в гражданском деле могут быть самостоятельными, а также выступать продолжением риска материального правоотношения, которое легло в основу того или иного спора.

В.В. Ярков отмечает, что все конкретные процессуальные действия объединяет в единое целое спорное материально-правовое отношение, по поводу которого возникает гражданский процесс по конкретному делу¹⁶.

С.В. Курьлев писал, что право на удовлетворение иска является одновременно категорией и материального, и процессуального права, поскольку для наличия права на удовлетворение иска нужно обладать материальным правом и иметь процессуальную возможность доказать его наличие¹⁷.

И.В. Решетникова полагает, что поскольку цивилистический, особенно арбитражный, процесс теснейшим образом взаимосвязан с гражданским и предпринимательским правом, то и риск в процессе отчасти является продолжением риска предпринимательской деятельности¹⁸. Соглашаясь с данной позицией, считаем справедливым добавить, что в общем виде материально-правовые риски не сводятся исключительно к риску предпринимательской деятельности и имеют место как в обязательственных правоотношениях, так

и в вещных правоотношениях, что подтверждается исследованиями в области гражданского права¹⁹.

А.В. Юдин подчеркивает, что лицо, принимая на себя материальные риски, неизбежно принимает на себя и сопутствующие процессуальные риски, которые могут возникнуть при отстаивании своих прав и законных интересов в суде. Любой риск, вытекающий из материального правоотношения, по справедливому замечанию ученого, должен восприниматься лицом как возможный процессуальный риск²⁰.

Вместе с тем специфика процессуальных отношений (императивность процесса судопроизводства, наличие четкой процессуальной формы и регламентации) позволяет сделать вывод, что риски в цивилистическом процессе не исчерпываются материальной составляющей и представляют собой самостоятельную и, в общем, независимую категорию.

Д.Б. Абушенко отмечает, что отсутствие спорного материального правоотношения не препятствует возбуждению производства по делу судом и наделению субъекта, ищущего судебной защиты, статусом истца. Аналогично, для возникновения процессуального статуса ответчика совершенно неважно, имеется ли вообще какое-то связывающее их материальное правоотношение²¹.

Самостоятельность процессуального риска подтверждается и многочисленными практическими примерами, когда участник процесса, имеющий полный комплект доказательств нару-

¹⁵ Гуреев В.А. Проблемы применения процессуальных организационных договоров в деятельности ФССП России // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2011. № 5. С. 71–74.

¹⁶ Ярков В.В. *Юридические факты в цивилистическом процессе*. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 42.

¹⁷ Курьлев С.В. *Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск* // *Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Серия юридическая*. 1957. Т. 22. Вып. 3. С. 207.

¹⁸ Решетникова И.В. *Указ. соч.* С. 118.

¹⁹ См., напр.: Мейер Д.И. *Русское гражданское право*. В 2 ч. 1902. М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 151; Вячеславов Ф.А. *Распределение рисков: понятие и значение в гражданском праве* // *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2007. № 4. С. 74–91; Афонченко А.Г. *Сущность и значение риска как цивилистической категории* // *Современное право*. 2007. № 8. С. 58; Потапов А.А. *Завещание или рента: способы минимизации риска* // *Право и политика*. 2009. № 2. С. 377.

²⁰ Юдин А.В. *Указ. соч.* С. 44.

²¹ Абушенко Д.Б. *Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография*. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. С. 13.

шенного права с точки зрения материальных правоотношений, проигрывает процесс в результате процессуальной ошибки²².

Таким образом, в цивилистическом процессе имеют место как чисто процессуальные риски, связанные в первую очередь с совершением или несвершением процессуальных действий, так и риски материально-процессуальные, возникающие в рамках процессуальной формы, но в связи со спорным материально-правовым правоотношением и влекущие последствия как для материального, так и для процессуального правоотношения.

4. В цивилистическом процессе риск необходимо рассматривать как вероятность наступления именно неблагоприятных последствий.

В общенаучном смысле риск обычно воспринимается как категория отрицательная, влекущая за собой неблагоприятные последствия. Изучение риска в гражданском судопроизводстве первоначально имеет цель выявить имеющиеся и разработать новые механизмы по управлению и минимизации рисков, а следовательно, большую научную ценность представляет риск именно в его отрицательном понимании, так как нет никакой необходимости минимизировать положительные последствия того или иного явления и управлять ими.

Таким образом, процессуальный риск в цивилистическом процессе представляет собой вероятность наступления неблагоприятных материально-правовых и (или) процессуальных последствий законных действий (бездействия) заинтересованных лиц, совершаемых в рамках процессуальной формы, обусловленной как объективными, так и субъективными (волевыми) факторами и непосредственно влияющей на выбор процессуальной модели поведения сторонами процессуального правоотношения.

В связи с изложенным полагаем, что положения действующего гражданского процессуального законодательства в ча-

сти «риска» соответствуют критериям и требованиям принципа правовой определенности.

Как указывалось ранее, процессуальный риск является правовой категорией, возникающей в связи и по поводу осуществления заинтересованными лицами (субъектами процессуального правоотношения) тех или иных прямо допускаемых законом действий и (или) бездействия. Иными словами, риск как категория, находящаяся в области законодательного регулирования, подчиняется алгоритму, закреплённому на нормативном уровне. Заинтересованное в защите своего права лицо знает или может узнать (например, путем обращения к квалифицированному юристу), какие именно процессуальные действия ей нужно совершить в целях достижения желаемого результата (например, невозможно говорить о нарушении правовой определенности в рисковомой ситуации, когда при взыскании долга по заемной расписке последняя не прикладывается при предъявлении иска или в ходе судебного разбирательства). Это свидетельствует о наличии правовой определенности в процессуальных отношениях, обладающих рисковым характером, но не означает, что совокупность правильно подобранных процессуальных действий обязательно приведет к вынесению положительного судебного акта, так как условием последнего, помимо прочего, всегда является сам факт нарушения права и добросовестного поведения заинтересованного лица как в процессуальных, так и в материальных правоотношениях.

В связи с изложенным подход, предложенный А.В. Юдиным в части выявления факторов, позволяющих говорить о гражданском процессе, как о сфере неопределенности²³, представляется излишне широким, затрудняющим выявление возможностей по управлению и минимизации процессуальных рисков.

Так, ученый указывает, что оценка доказательств судом на основе внутреннего убеждения (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, ч. 1

²² Юдин А.В. Указ. соч. С. 45.

²³ Юдин А.В. Указ. соч. С. 32.

ст. 71 АПК РФ), притом что ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы, несет в себе существенный, но неизбежный элемент субъективизма, что порождает дополнительные процессуальные риски²⁴.

Конечно, нельзя отрицать, что элемент субъективизма со стороны суда в процессе может присутствовать. Его нельзя исключить, как и возможность, например, ошибочного ведения процесса по недействующему законодательству и т.п. Но такой субъективизм нельзя признать законным, поскольку нормативно внутреннее убеждение судьи ограничено требованиями закона, в том числе всесторонности, полноты и объективности при оценке доказательства (п. 1 ст. 67 ГПК РФ и п. 1 ст. 71 АПК РФ). Следовательно, данное поведение судьи представляет собой нарушение процессуального закона и должно быть устранено в инстанционном порядке, не может представлять собой процессуальный риск субъекта правоотношения, предусмотренный положениями действующего законодательства и общим смыслом состязательного и диспозитивного процесса.

На наш взгляд, не является процессуальным риском и неопределенность, вызванная юридической невозможностью суда «подсказать» лицу «правильное» процессуальное действие²⁵, поскольку данная неопределенность также находится вне области права. В силу п. 2 ст. 56 ГПК РФ, п. 2 ст. 65 АПК РФ суд определяет обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела (предмет доказывания), в дальнейшем каждая сторона в рамках определенного предмета дока-

зывания вправе совершить все необходимые процессуальные действия в целях защиты своего нарушенного права и законного интереса. Отсутствие возможности суда «подсказать» лицу «правильное» процессуальное действие является одной из гарантий равноправия сторон в процессе и, следовательно, не может выступать в качестве процессуального риска одного из оппонентов.

Как отмечает А.А. Арямов, «риск предполагает деятельность в рамках правового поля». Любые действия (бездействие) заинтересованного лица, направленные на достижение незаконных целей или при использовании незаконных средств не должны подпадать под действие юридического института «риск»²⁶.

Изложенное свидетельствует, что риск, как правовая категория, должен быть результатом законных действий и (или) бездействия и иметь законные последствия, иное его содержание находится вне области права, а следовательно, не имеет научной ценности в рамках юридического исследования.

Таким образом, принцип правовой определенности в гражданском судопроизводстве не исключает наличие у субъектов процессуальных правоотношений возможности выбора оптимальной, по их мнению, модели процессуального поведения (совокупности процессуальных действий и (или) бездействия) в целях достижения заявленной цели, а следовательно, допускает процессуальные риски, но ограничивает данный выбор возможностями процессуальной формы, не позволяя процессу быть хаотичным.

²⁶ Арямов А.А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ) : монография. М. : Российская академия правосудия, 2009. С. 14.

²⁴ Юдин А.В. Указ. соч. С. 32.

²⁵ Юдин А.В. Указ. соч. С. 33.

Литература

1. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе : монография / Д.Б. Абушенко. Тверь : Кондратьев А.Н., 2013. 319 с.
2. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни / А.П. Альгин. Москва : Мысль, 1989. 187 с.

3. Арямов А.А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ) : монография / А.А. Арямов. Москва : Российская академия правосудия, 2009. 172 с.
4. Афонченко А.Г. Сущность и значение риска как цивилистической категории / А.Г. Афонченко // Современное право. 2007. № 8. С. 56–60.
5. Вячеславов Ф.А. Распределение рисков: понятие и значение в гражданском праве / Ф.А. Вячеславов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2007. № 4. С. 74–91.
6. Гуреев В.А. Проблемы применения процессуальных организационных договоров в деятельности ФССП России / В.А. Гуреев // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 71–74.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / В.И. Даль. Подгот. по 2-му печат. изд. 1880–1882 гг. Москва : АСТ, 1998.
8. Егорова О.А. Решения Конституционного Суда РФ в практике судов общей юрисдикции / О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. Москва, 2013. 238 с.
9. Звягина Н.С. Риск как общенаучная и правовая категория / Н.С. Звягина // Юрист. 2018. № 6. С. 70–76.
10. Курьлев С.В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск / С.В. Курьлев // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Серия юридическая. 1957. Т. XXII. Т. 22. Вып. 3. С. 159–216.
11. Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе / Р. Масаладжиу // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7. С. 22–25.
12. Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе / Р. Масаладжиу // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 8. С. 10–13.
13. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 частях. Ч. 2 / Д.И. Мейер. Москва : Статут, 1997. 449 с.
14. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т.Н. Нешатаева // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 124–140.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под редакцией Н.Ю. Шведовой. 4-е изд., Москва : Высшая школа, 1993.
16. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть / Г.Л. Осокина. Москва : Юрист, 2006. 748 с.
17. Потапков А.А. Завещание или рента: способы минимизации риска / А.А. Потапков // Право и политика. 2009. № 2. С. 375–380.
18. Принципы частного права : монография / под редакцией Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. Москва : Проспект, 2018. 400 с.
19. Решетникова И.В. Теория процессуального риска / И.В. Решетникова // Закон. 2012. № 6. С. 117–122.
20. Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений Европейского суда по правам человека : диссертация кандидата юридических наук / А.И. Сидоренко. Москва, 2016. 22 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Т. 2. Е-Муж / М. Фасмер. 2-е изд., стер. Москва : Прогресс, 1986. 671 с.
22. Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве / А.В. Юдин // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 11–53.
23. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе / В.В. Ярков. Москва : Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.

Потапенко**Евгений Георгиевич,**

доцент кафедры гражданского права и процесса Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук
egpotapenko@rambler.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-19-23

Процессуально-правовые комплексы в механизме правового регулирования гражданско-правовых процессуальных отношений

В статье кратко излагается авторская концепция механизма правового регулирования гражданско-правовых процессуальных отношений. Отмечается, что процессуальные нормы при регулировании процессуальных отношений действуют взаимосвязанно в рамках соответствующих процессуальных комплексов, включающих в себя общую и специальные процессуальные нормы. При расширительном или ограничительном толковании процессуальных норм, а также при конкретизирующем толковании норм с относительно определенной диспозицией возникают правоинтерпретационные специальные положения, которые отличаются от разъясняющих правоположений. При применении специальных норм с относительно определенной диспозицией суды на основе обобщения практики реализации таких норм и фактических обстоятельств дела вырабатывают индивидуальные специальные правоположения. Комплексы процессуальных норм (общая и специальные) в совокупности с правоинтерпретационными специальными правоположениями и индивидуальными специальными правоположениями составляют единый процессуально-правовой комплекс, обеспечивающий полноту регулятивного воздействия на гражданско-правовые процессуальные отношения. В статье приводится анализ действующего процессуального законодательства, а также судебной практики. Обосновывается вывод о том, что первичным элементом в механизме процессуально-правового регулирования является не процессуальная норма, а процессуально-правовой комплекс.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, конкретизация права, механизм правового регулирования, реализация норм гражданского процессуального права, судебное усмотрение.

Механизм правового регулирования является одной из основных категорий правоведения, объединяющей различные правовые элементы в единую функциональную модель. Механизм правового регулирования в самом общем смысле призван показать построение регулятивного воздействия права на общественные отношения и включает в себя систему элементов (средств), объединенных в стадии и направленных на достижение цели правового регулирования — упорядочивание общественных отношений. В современной юридической науке имеются различные подходы к пониманию механизма правового регулирования¹, но традиционно в качестве основного элемента механизма

правового регулирования называют нормы права. Аналогичной позиции придерживаются исследователи, рассматривающие отраслевую специфику механизма правового регулирования. «Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности, — пишет А.Е. Бандорин, — проходит ряд стадий, позволяющих выделить следующие его элементы: нормативные установления в сфере предпринимательской деятельности; юридические факты, порождающие предпринимательские отношения; сами предпринимательские отношения; правореализационная предпринимательская практика»².

Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 14–17.

¹ О разных подходах к понятию и содержанию механизма правового регулирования см.: Ланова Г.М., Правкина И.Н. Механизм правового регулирования: понятие и содержание //

² Бандорин А.Е. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности в России (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 9.

А.В. Агаджанян предлагает «в структуру механизма процессуально-правового регулирования в качестве процессуально-правовых средств, прежде всего, включить нормы процессуального права, которые не только участвуют в применении материальных норм, но и регламентируют всю процедурно-процессуальную деятельность субъектов права, обеспечивают их юридическую связь»³. Наряду с нормами, выделяю и другие элементы механизма правового регулирования: юридические факты (составы); юридические действия; правоотношения; правоприменительные акты и т.д. Как правильно отмечается в литературе, правовые нормы не могут реализовываться сами по себе, равно как и правовое регулирование не может осуществляться исключительно путем принятия правовых норм. Для осуществления правового регулирования общественных отношений, помимо правовых норм, принятых в установленном порядке, необходимы еще и некоторые инструменты, позволяющие претворять в жизнь предписания этих правовых норм⁴.

В целом позиция о норме права как основном (первичном) элементе механизма правового регулирования является общепризнанной (если не учитывать оригинальные подходы к пониманию механизма правового регулирования). Без нормы права не может возникнуть само правоотношение, следовательно, общественное отношение не может быть упорядочено. Однако такая общепризнанность, во-первых, не является неоспоримой, так как механизм правового регулирования как динамичная категория может претерпевать содержательные и структурные изменения. Во-вторых, не исключает отраслевую специфику регулирования определенной сферы правовой жизни.

Основным тезисом настоящей работы является вывод о том, что современное регулирование цивилистических процессуальных отношений осуществляется не столько на основе процессуальных норм, сколько отдельными процессуально-правовыми комплексами. На наш взгляд, позиция о том, что норма права как обязательное правило поведения (государственное веление) является первичным элементом механизма регулирования процессуальных отношений, основана во многом на устаревшей модели позитивного права. Данная модель не соответствует современным реалиям правовой жизни и юридической практике в силу следующего.

Во-первых, даже если исходить из позитивистского подхода к праву, то утверждение о регулировании цивилистических процессуальных отношений нормой процессуального права выглядит весьма примитивно и не учитывает нормативную специализацию права. Изучение содержания нормативно-правовых актов и практики их реализации показывает, что специальные процессуальные предписания, как правило, объединяются в определенные комплексы с основной нормой по предметно-целевому критерию. Например, за основной нормой может следовать конкретизирующее предписание, которое, в свою очередь, может получить дальнейшую конкретизацию. Предметом регулирования таких комплексов выступает не общественное отношение в целом, а лишь отдельная его часть, этап. Как справедливо отмечает О.В. Баулин, «признаками, присущими всем специальным нормам, является, прежде всего, их тесная, неразрывная связь с общими нормами. Нельзя назвать какую-либо норму специальной, не указав при этом, относительно чего она является таковой»⁵. Взаимосвязь общей и специальных норм носит не только структурный, но и функциональный характер, что проявляется в необходимости их совместной реализации.

³ Агаджанян А.В. Механизм процессуально-правового регулирования: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2019. С. 11.

⁴ См.: Мильков А.В. К вопросу о механизме правового регулирования // Закон. 2012. № 3. С. 147.

⁵ Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. С. 10.

Так, например, вопрос распределения государственной пошлины между сторонами в арбитражном процессе регулируется комплексом норм. Основной нормой в данном случае выступает содержащееся в части 1 статьи 110 АПК РФ⁶ предписание о том, что судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. Далее следует специальная норма, которая дополняет ранее указанное правило, а именно предусматривает распределение судебных расходов при частичном удовлетворении исковых требований. Часть 3 данной статьи содержит специальную норму, согласно которой государственная пошлина, от уплаты которой в установленном порядке истец был освобожден, взыскивается с ответчика в доход федерального бюджета пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований, если ответчик не освобожден от уплаты государственной пошлины. Часть 4 статьи содержит исключительное правило распределения расходов при приглашении лиц, участвующих в деле. Практика реализации статьи 110 АПК РФ показывает, что при применении общей нормы части 1 суды, как правило, не указывают специальные нормы. Если же вопрос касается применения специальной нормы (например, части 2 статьи 110 АПК РФ), то суды указывают как общую норму части 1, так и специальную норму части 2⁷. Подобное действие весьма логично, поскольку

специальная норма содержит правило, дополняющее или исключающее основное правило. Однако можно ли сказать, что суд, применяя общую норму, не учитывает правила специальных норм? Применяя общую норму, суд должен учитывать содержание специальных норм в силу возможной их конкуренции. Поэтому когда суд указывает только лишь одну общую норму, то это не означает, что им не была проделана мыслительная работа по сопоставлению содержания данной нормы и специальных правил. Во многих случаях реализация специальных дополняющих норм осуществляется судом не путем их применения, а посредством иных форм реализации. Это касается специальных норм, регламентирующих сроки совершения процессуальных действий, порядок их оформления. Реализация указанных специальных правил осуществляется путем их соблюдения судом. Таким образом, правовое регулирование конкретных гражданско-процессуальных отношений на элементарном уровне осуществляется, как правило, не единичными нормами, а комплексами процессуальных норм. Несмотря на то что общая и специальная процессуальные нормы находятся в противоречии, общая цель правового регулирования процессуального отношения объединяет их в единый правовой комплекс, обеспечивающий полноту регулирования.

Во-вторых, несмотря на то что регулирование конкретных процессуальных отношений (их части) осуществляется совокупностью (комплексом) общей и специальных норм, суды при их реализации часто ссылаются на акты толкования данных норм. В большинстве случаев актами толкования разъясняется содержание процессуальных норм, но нередко акты толкования содержат специальные правоинтерпретационные положения. Подобные правовые положения возникают при конкретизирующем толковании процессуальных норм с относительно определенной диспозицией, а также распространительном либо ограничительном толковании процессуальных норм. Отстаивая допусти-

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2019. № 59 (часть V). Ст. 6965.

⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 октября 2019 г. № Ф01-5252/2019 по делу № А79-6128/2018; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 января 2020 г. № Ф02-6265/2019 по делу № А33-9200/2017; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 февраля 2020 г. № Ф03-6729/2019 по делу № А51-14617/2018; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 января 2020 г. № Ф04-6308/2016 по делу № А27-22572/2015; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 февраля 2020 г. № Ф05-22938/2019 по делу № А41-97860/2017 и др.

мость и полезность распространительного и ограничительного толкования, М.А. Гурвич писал, что даже при самом категорическом отрицании судебного правотворчества «невозможно отрицать, что сама жизнь вносит в габариты закона в течение времени новые явления, которые вполне укладываются в содержание нормы и охватываются ее смыслом, хотя и не нашли в ней и не могли найти в схематически абстрактных указаниях при издании закона конкретного выражения»⁸. Например, в части 3 статьи 29 ГПК РФ⁹ установлено, что иски о взыскании алиментов и об установлении отцовства могут быть предъявлены истцом также в суд по месту его жительства. Исходя из буквального толкования данной нормы с учетом соединительного союза «и», по месту своего жительства может обратиться только истец, заявивший оба требования в одном иске. Однако в актах толкования Верховного Суда Российской Федерации данная норма истолкована распространительно. В результате такого толкования появилось правоположение, дополняющее толкуемую норму. Такое правоположение закреплено в абзаце втором пункта 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»¹⁰, согласно которому толкуемое правило распространяется как на случаи, когда названные выше требования заявлены одновременно, так и на случаи, когда требование об установлении отцовства заявлено самостоятельно. В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных

со взысканием алиментов»¹¹ также содержится дополняющее правоположение, согласно которому правило об альтернативной подсудности исков о взыскании алиментов и об установлении отцовства распространяется как на случаи, когда названные выше требования заявлены одновременно, так и на случаи, когда заявлено самостоятельное требование о взыскании алиментов любым лицом, относящимся к кругу лиц, имеющих в силу закона право на алименты, либо оно предъявлено в интересах такого лица.

В-третьих, при правовом регулировании отношений имеет значение не только содержание процессуальных норм (общей и специальных) и правоинтерпретационных процессуальных положений, но и результаты правоприменительной практики, а также сама деятельность суда по выработке индивидуальных процессуальных положений. При реализации процессуальных норм с относительно определенной диспозицией и при отсутствии акта толкования таких норм суд вынужден обращаться к аналогичной судебной практике и на основе ее анализа и обобщения с учетом конкретных обстоятельств дела самостоятельно устанавливать специальное индивидуальное правоположение¹². Нередко работу по обобщению практики продельывают вышестоящие суды в целях выработки подобных индивидуальных правил, которые могут учитывать нижестоящие суды. В соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством суды в мотивировочной части решения могут ссылаться на обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (ст. 198 ГПК РФ, ст. 170 АПК РФ).

Нормы с относительно определенной диспозицией в процессуальном за-

⁸ Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. С. 98–99.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2019. № 49 (часть V). Ст. 6965.

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 7.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 7.

¹² См., напр.: Кац А.К. Конкретизирующая деятельность суда и семейные правоотношения с частично неурегулированным содержанием // Правоведение. 1964. № 2. С. 86–96.

конодательстве встречаются довольно часто. Такая норма закреплена, например, в части 1 статьи 150 ГПК РФ, в которой указывается на процессуальные действия суда при подготовке дела к судебному разбирательству. Однако согласно пункту 14 судья также совершает иные необходимые процессуальные действия. Аналогичная норма содержится также и в части 1 статьи 135 АПК РФ, согласно пункту 6 которой судья при подготовке дела совершает иные направленные на обеспечение правильного и своевременного рассмотрения дела действия. В части 1 статьи 230 ГПК РФ также содержится норма относительно определенной диспозицией, которая предоставляет суду возможность для обеспечения полноты составления протокола использовать стенографирование, средства аудиозаписи и иные технические средства. При реализации подобных норм суд должен установить конкретное процессуальное

правило, применимое только для данного дела и упорядочивающее соответствующее процессуальное отношение. Данное индивидуальное процессуальное правоположение имеет регулятивное значение.

Вышеизложенное позволяет подтвердить предположение о регулировании гражданско-процессуальных отношений процессуально-правовыми комплексами, включающими в себя совокупность общей и специальных процессуальных норм, правоинтерпретационные специальные процессуальные положения, индивидуальные специальные процессуальные положения. Представляется, что в современных условиях развития гражданского процессуального права и практики его реализации именно процессуально-правовой комплекс является первичным элементом механизма правового регулирования гражданско-процессуальных отношений.

Литература

1. Агаджанян А.В. Механизм процессуально-правового регулирования: общетеоретическое исследование : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Агаджанян. Грозный, 2019. 27 с.
2. Бандорин А.Е. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности в России (вопросы теории и практики) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.Е. Бандорин. Саратов, 2011. 30 с.
3. Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве / О.В. Баулин. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1997. 104 с.
4. Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы / М.А. Гурвич. Москва : Юридическая литература, 1976. 176 с.
5. Кац А.К. Конкретизирующая деятельность суда и семейные правоотношения с частично неурегулированным содержанием / А.К. Кац // Правоведение. 1964. № 2. С. 86–96.
6. Лановая Г.М. Механизм правового регулирования: понятие и содержание / Г.М. Лановая, И.Н. Правкина // Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 14–17.
7. Мильков А.В. К вопросу о механизме правового регулирования / А.В. Мильков // Закон. 2012. № 3. С. 147–151.

**Можилян
Сергей Александрович,**
советник по правовым вопросам
Акционерного
общества Группа компаний
«Ткани ОПЕТЕКС»
mozhilyan.sergey@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-24-28

К вопросу о разграничении компетенции судов при рассмотрении споров, связанных с наследованием корпоративных прав

Статья посвящена анализу правоприменительных проблем, возникающих в связи с наследованием гражданами корпоративных прав в хозяйственных товариществах и обществах. Как показывает практика, подобные наследники вынуждены обращаться в суды с исками о защите своего нарушенного права, вызванного недобросовестными действиями юридических лиц: взыскание действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, оспаривание размера действительной стоимости доли. Между тем в ряде случаев наследники ошибочно трактуют положения АПК РФ и ГПК РФ в части компетенции судов, и, как следствие, это влечет неправильное определение как подсудности рассмотрения спора, так и выбора компетентного суда.

Ключевые слова: компетенция суда, подсудность, наследование, корпоративные права, хозяйственные товарищества и общества.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — АПК РФ) внесены изменения, которые предопределили переход от института подведомственности к вопросу компетенции как арбитражных судов, так и судов общей юрисдикции. Как отмечает В.В. Ярков, подведомственность сохраняет свое значение как правовое и доктринальное понятие и будет сохранять свое значение для разграничения сферы ведения между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, т.е. само по себе исключение термина подведомственности из АПК РФ и ГПК РФ вовсе не исключает его из понятийного аппарата процессуального права¹.

Между тем проблематика определения компетентного суда вызвана в ряде случаев сложностью его правовой квалификации, связанной с переплетением норм различных отраслей права. Наследование

корпоративных прав, как правило, затрагивает как непосредственно наследственное право, так и семейное право, корпоративное право и ряд институтов обязательственного права (например, установление доверительного управления наследственной массой).

В соответствии со ст. 1176 ГК РФ в состав наследственного имущества входят акции, доли (пай) в уставном (складочном) складочном капитале хозяйственных товариществ и обществ, а также производственных кооперативах. При этом положения указанной статьи, а также ст. 78 и 93 ГК РФ и ст. 21 и 23 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) регламентируют порядок принятия подобного имущества, входящего в состав наследственной массы. Именно на данном этапе у истца возникает закономерный вопрос о выборе компетентного суда, поскольку, с одной стороны, потенциальный спор связан со спором в отношении прав на акции и доли в уставном капитале хозяйственных товариществ и обществ, т.е. является корпоративным и подлежит исключительному рассмотрению в арбитражном суде.

С другой стороны, в силу положений п. 1 Постановления Пленума Верховного

¹ Ярков В.В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.

Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» все споры, связанные с включением в состав наследства имущества в виде акций, долей в уставном капитале хозяйственных обществ и товариществ, паев членов кооперативов и требованиями о выплате действительной стоимости доли либо о выдаче соответствующей ей части имущества в натуре, подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции по общим правилам определения подсудности, установленные ГПК РФ. В дальнейшем Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре № 1 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 марта 2015 г. (вопрос № 7), подтвердил, что рассмотрение подобных дел подлежит рассмотрению в судах общей юрисдикции.

С данной позицией Верховного Суда Российской Федерации согласен ряд исследователей, в том числе и К.Б. Ярошенко, которая указывает, что в судах общей юрисдикции рассматриваются требования о выплате действительной стоимости доли в двух случаях: когда наследник, получивший право на долю, сразу требует выплаты ее стоимости либо когда он заявляет такое требование в связи с отказом в принятии его в состав участников². Аналогичных взглядов придерживается и М.А. Михайловский, который констатирует, что наследование акций не имеет специфического характера и осуществляется по общим правилам наследования³.

Однако следует отметить, что производными от подобных наследственных споров, сторонами по которым являются наследники акций, являются иные споры, в частности от обжалования отказа от внесения в реестр или от споров между акционерами, касающихся порядка управления акционерным обществом, которые, безусловно, в силу положений ст. 225.1 АПК РФ являются корпоративными.

² Ярошенко К.Б. Наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, КОНТРАКТ, 2017. Вып. 22. С. 50–60.

³ Михайловский М.А. Наследственные споры в отношении акций // Административное право. 2017. № 1. С. 42–46.

Следовательно, для разграничения компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции необходимо разрешить вопрос о том, подлежат ли подобные наследственные споры отнесению к категории корпоративных споров. Более того, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 10 сентября 2013 г. № 2332/13 по делу № А08-5402/2011 отражена позиция, согласно которой АПК РФ не исключает из подсудности арбитражных судов споры по требованиям о выплате действительной стоимости доли умершего участника его наследнику.

В соответствии с ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ корпоративные споры рассматриваются арбитражными судами. Исключение составляют споры, вытекающие из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги, а также споры, возникающие в связи с разделом наследственного имущества или разделом общего имущества супругов, включающего в себя акции, доли в уставном (складочном) капитале хозяйственных обществ и товариществ, пай членов кооперативов, т.е. АПК РФ прямо рассматривает, что приведенные в п. 2 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ наследственные споры не являются корпоративными⁴.

Очевидно, что ни Закон об ООО, ни Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9, ни АПК РФ не рассматривают ситуации, которые выходят за пределы установленного законом шаблона, например:

— наследник оспаривает условие устава хозяйственного товарищества или общества, которое было введено после смерти наследодателя и нарушает права наследника⁵;

— наследник требует от общества представление документов и/или сведений, в том числе для определения действ-

⁴ Рогалева М.А. Подведомственность споров о защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг // Проблемы правового регулирования ценных бумаг и налогообложения, операций с ними. Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2010. № 7. С. 17–20.

⁵ См., напр.: Постановление АС Северо-Западного округа от 21 ноября 2016 г. по делу № А56-4757/2016; Постановление 9ААС от 20 марта 2018 г. № 09АП-5692/2018-ГК // СПС «КонсультантПлюс».

вительной стоимости доли в уставном капитале⁶;

— наследник оспаривает отказ иных участников общества от дачи согласия на вступление в общество⁷;

— наследник оспаривает решение общего собрания участников общества⁸;

— наследник и/или третьи лица оспаривают условия или действительность договора доверительного управления корпоративными правами, входящими в состав наследственной массы⁹;

— наследник оспаривает сделки общества¹⁰.

Как следует из приведенных спорных ситуаций, которые являлись предметом рассмотрения именно арбитражных судов, а не судов общей юрисдикции, производство по делам не было прекращено со ссылкой на положения п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 и ст. 150 и 225.1 АПК РФ, т.е. суды исходили из корпоративной природы заявленных наследниками исковых требований.

По нашему мнению, причиной подобной конкуренции компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов является то обстоятельство, что в соответствии с абз. 3 ст. 1112 ГК РФ в состав наследства не входят личные неимущественные права и другие нематериальные блага, которая применительно к корпоративным правам довольно буквально трактуется

судами, которые считают, что корпоративные права не наследуются¹¹.

Ряд исследователей соглашается с приведенной позицией Верховного Суда РФ, указывая на то, что переход права участия взаимосвязан с моментом отражения в реестре акционеров сведений о переходе прав на акции и внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ в случае, если на переход прав и обязанностей участника получения согласия общества не требуется или если данное согласие получено¹².

Вместе с тем в юридической доктрине отражена и противоположная точка зрения, согласно которой было бы правильнее законодательно закрепить, что принадлежавшие наследодателю неимущественные права и иные нематериальные блага переходят по наследству в случаях, прямо предусмотренных законом, а также если это вытекает из самой природы указанных прав и благ¹³.

Очевидно, что подобная позиция судов вызвана именно спецификой правовой природы наследуемого имущества (акции, доли и паи в уставном капитале хозяйственных товариществ и общества), а также моментом перехода корпоративных прав к наследнику, принявшему наследство. В русле аналогичной логики находится и позиция С.Ю. Филипповой, которая отмечает, что дуализм правового режима доли в уставном капитале и прав из доли в уставном капитале как имущества, входящего в состав наследственной массы, находит свое логическое продолжение и в вопросе о подведомственности¹⁴.

Между тем судебная практика судов общей юрисдикции также изобилует при-

⁶ См., напр.: Постановление АС Поволжского округа от 12 июня 2016 г. по делу № А65-1852/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., напр.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 4 февраля 2014 г. № Ф03-7014/2013 по делу № А59-1075/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См., напр.: Постановление АС Дальневосточного округа от 15 июля 2019 г. по делу № А04-6360/2017; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 26 декабря 2016 г. по делу № А46-5920/2015; Постановление АС Московского округа от 21 мая 2015 г. по делу № А40-60544/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См., напр.: Постановление 8ААС от 22 марта 2018 г. по делу № А46-16245/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., напр.: Постановление Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 г. №9913/13; Постановление АС Поволжского округа от 25 августа 2016 г. по делу № А49-2904/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2019 г. № 303-ЭС19-17609 по делу №А04-6360/2017 и Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2016 г. № 204-ПЭК16 по делу № А07-10144/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Наследование корпоративных прав // Наследственное право. 2019. № 1. С. 9.

¹³ Кириллова Е.А. Проблемы правового регулирования наследования акций в нотариальной практике // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 5–7.

¹⁴ Филиппова С.Ю. Двойственность правовых последствий смерти участника общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2019. № 1. С. 20–24.

мерами оспаривания сделок общества, решений собраний участников, споров о признании за наследниками статуса участников общества, оспаривании договоров по отчуждению акций, оспариванию договоров доверительного управления¹⁵.

Таким образом, в настоящее время имеет место парадоксальная ситуация: при наличии прямого законодательного регулирования в части определения компетенции арбитражного суда и суда общей юрисдикции при рассмотрении споров, производных от наследственных, но имеющих прямое отношение к деятельности хозяйственных товариществ и обществ и вытекающих из реализации наследниками своих корпоративных прав.

С наличием подобной процессуальной неопределенности соглашается и С.А. Дергачев, который указывает на то, что достаточно однозначная формулировка положений ст. 225.1 АПК РФ не получила единообразного применения в судебной практике, что приводит к коллизии подведомственности рассмотрения наследственных споров¹⁶. Однако необходимо упомянуть, что, несмотря на сложившуюся практику рассмотрения подобных споров, С.А. Дергачев признает компетенцию лишь судов общей юрисдикции для рассмотрения наследственных споров, связанных с переходом прав участников хозяйственных товариществ и обществ.

Безусловно, обоснованность позиции С.А. Дергачева подтверждается логикой и последовательностью деятельности законодателя, который в первую очередь закрепил в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9, а во-вторых, прямо изъял наследственные споры из перечня

корпоративных споров, приведенного в ст. 225.1 АПК РФ. Действительно, расширительно толкуя положения п. 2 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ можно прийти к выводу, что *любые* (*курсив мой*. — Ред.) наследственные споры, возникающие в процедуре принятия наследства и защиты наследственных прав, а также связанные с ними и производные от них споры наследников и хозяйственными товариществами и обществами, подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции по общим правилам определения подсудности.

Однако как очевидно следует из приведенной в настоящей статье судебной практики, подобная логика законодателя не воспринимается правоприменителями. Наиболее ярко это можно проследить на примере взыскания наследником действительной стоимости доли (пая) в уставном (складочном) капитале хозяйственных товариществ и обществ.

Как следует из массива судебной практики, подобные споры с одинаковой последовательностью и методичностью рассматривают как суды общей юрисдикции¹⁷, так и арбитражные суды¹⁸. Примечательно, что наличие компетенции на рассмотрение подобных споров арбитражные суды обосновывают положениями п. 8 ст. 23 Закона об ООО и п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 1999 г. № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной

¹⁵ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда от 24 сентября 2019 г. по делу № 33-43195/2019; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10 июня 2014 г. № 33-8906/2014; Апелляционное определение Пермского краевого суда от 5 июня 2013 г. по делу № 33-5372; Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 4 июля 2019 г. по делу № 33-20402/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Дергачев С.А. Подведомственность корпоративных споров, связанных с семейными и наследственными правоотношениями // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 32–36.

¹⁷ См., напр.: Апелляционное определение Воронежского областного суда от 2 октября 2018 г. по делу № 33-6575/2018; Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 20 февраля 2018 г. по делу № 33-370/2018; Апелляционное определение Самарского областного суда от 10 января 2019 г. № 33-169/2019; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 11 июля 2018 г. по делу № 33-10679/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 5 марта 2018 г. по делу № А82-12582/2016; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25 апреля 2018 г. по делу № А19-6322/2016; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 сентября 2017 г. по делу № А73-17225/2016; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 ноября 2019 г. по делу № А55-33114/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

ответственностью». Сам же спор по существу заявленных наследником требований связан с защитой права наследника на получение действительной стоимости доли в уставном капитале обществ, входящей в состав наследственного имущества, и не является спором, возникшим из наследственных правоотношений, связанным с переходом имущественных прав и обязанностей в порядке универсального правопреемства от наследодателя к наследникам¹⁹.

При этом необходимо отметить, что в ряде случаев арбитражные суды прямо признают неподведомственность споров о взыскании действительной стоимости доли арбитражным судам, но продолжают рассмотрение спора, ссылаясь на недобросовестность ответчиков, которые заявляли ходатайство о прекращении производства по делу либо непосредственно перед вынесением решения по существу, либо в суде апелляционной инстанции²⁰.

¹⁹ См., напр.: Постановление АС Московского округа от 2 октября 2018 г. по делу № А40-87251/2017; Постановление АС Московского округа от 9 июля 2018 г. по делу № А40-189304/2016; Постановление АС Московского округа от 28 июня 2018 г. по делу № А40-139103/2017; Постановление АС Северо-Западного округа от 19 сентября 2019 г. по делу № А56-70226/2017 и Постановление АС Центрального округа от 30 октября 2017 г. по делу № А68-5600/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См., напр.: Постановление 9ААС от 21 марта 2018 г. по делу № А40-189297/2016 и Поста-

Очевидно, что данная процессуальная неопределенность в выборе компетентного суда вызвана, во-первых, прямым конфликтом положений п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 1999 г. № 90/14, а во-вторых, отсутствием исключения подобных споров из исключительной компетенции, предусмотренной ст. 225.1 АПК РФ.

Следовательно, мы вынуждены констатировать, что в настоящее время вопрос определения компетенции судов при рассмотрении наследственных споров, несмотря на кажущуюся его очевидность, окончательно не разрешен, а единство правоприменительной судебной практики по данной категории споров может быть достигнуто только в результате масштабного изменения законодательства, а именно положений ст. 93, 1112, 1176 ГК РФ, ст. 225.1 АПК РФ, и более детального разъяснения положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 1999 г. № 90/14.

новление 9ААС от 16 апреля 2018 г. по делу № А40-139107/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Дергачев С.А. Подведомственность корпоративных споров, связанных с семейными и наследственными правоотношениями / С.А. Дергачев // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 32–36.
2. Кириллова Е.А. Проблемы правового регулирования наследования акций в нотариальной практике / Е.А. Кириллова // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 5–7.
3. Михайловский М.А. Наследственные споры в отношении акций / М.А. Михайловский // Административное право. 2017. № 1. С. 42–46.
4. Рогалева М.А. Подведомственность споров о защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг / М.А. Рогалева // Проблемы правового регулирования ценных бумаг и налогообложения, операций с ними. Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2010. № 7. С. 17–22.
5. Ситдикова Л.Б. Наследование корпоративных прав / Л.Б. Ситдикова, С.Ю. Стародумова // Наследственное право. 2019. № 1. С. 7–11.
6. Филиппова С.Ю. Двойственность правовых последствий смерти участника общества с ограниченной ответственностью / С.Ю. Филиппова // Гражданское право. 2019. № 1. С. 20–24.
7. Ярков В.В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.
8. Ярошенко К.Б. Наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах / К.Б. Ярошенко // Комментарий судебной практики / ответственный редактор К.Б. Ярошенко. Москва: Контракт, 2017. Вып. 22. С. 50–60.

Раздьяконов**Евгений Сергеевич,**

доцент кафедры гражданского
процесса Уральского
государственного юридического
университета,
кандидат юридических наук
E.Razdyakonov@ydgmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-29-33

Право на получение информации о судебном корпоративном споре

В статье рассматривается процессуальный статус участников производства по корпоративным спорам, рассматриваемым арбитражными судами и судами общей юрисдикции, в контексте права на получение информации о таком споре. Автор выделяет три процессуальные обязанности, корреспондирующие такому праву: обязанность по совершению досудебных уведомлений, обязанность по раскрытию информации судом, обязанность по раскрытию информации корпорацией, а также право заинтересованного лица самостоятельно получать информацию о судебном корпоративном споре. В последнем случае автор приходит к выводу о пробеле в правовом регулировании, поскольку таким правом закон наделяет только корпорацию, хотя таким правом по аналогии можно было бы наделить и других участников судебного корпоративного спора.

Ключевые слова: судебный корпоративный спор, корпорация, третьи лица, процессуальные права, процессуальный статус, раскрытие информации.

Действующее гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство ставит задачи правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел, обеспечения доступности, защиты нарушенных или оспариваемых прав участников гражданского оборота. В сфере корпоративных правоотношений для решения этих задач законодатель и Верховный Суд Российской Федерации в последнее время последовательно реализуют принцип однократного разрешения корпоративного спора, который можно выразить правилом «один корпоративный спор — одно судебное дело». Реализация данного принципа невозможна без своевременного и надлежащего доведения информации о корпоративном споре до всех субъектов корпоративного правоотношения, спор по которому рассматривается или будет рассматриваться судом (далее — судебный корпоративный спор), в целях их вовлечения в судебный процесс и распространения на них законной силы судебного решения по делу.

Действующее законодательство, о котором речь пойдет далее, возлагает на

отдельных участников корпоративного правоотношения (на досудебном этапе) и на субъектов процессуальных правоотношений обязанность по доведению информации о судебном корпоративном споре. Корреспондирует этой обязанности право участников судебного корпоративного спора на получение информации об этом споре.

Указанные выше предпосылки позволяют выделить следующие способы доведения информации о судебном корпоративном споре:

- 1) досудебные уведомления;
- 2) раскрытие информации судом;
- 3) раскрытие информации корпорацией;
- 4) самостоятельное получение информации заинтересованным лицом.

Досудебные уведомления по корпоративному спору. В сфере корпоративных правоотношений досудебные уведомления предусмотрены пунктом 2 статьи 65.2 ГК РФ, предусматривающей, что участник корпорации или корпорация, требующие возмещения причиненных корпорации убытков либо признания сделки корпорации недействительной или применения последствий недействительности сделки,

должны принять разумные меры по заблаговременному уведомлению других участников корпорации и в соответствующих случаях корпорации о намерении обратиться с такими требованиями в суд. Согласно пункту 6 статьи 181.4 ГК РФ лицо, оспаривающее решение собрания корпорации, должно уведомить в письменной форме заблаговременно участников этой корпорации о намерении обратиться с таким иском в суд и предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу.

Досудебные уведомления по корпоративным спорам не относятся к случаям досудебного (претензионного) порядка урегулирования спора. Различие с ним следует проводить по цели применения: для досудебного (претензионного) порядка — это попытка разрешить спор вне суда посредством прямой коммуникации субъектов спора, а для досудебных уведомлений по корпоративным спорам — вовлечение участников корпоративного правоотношения в судебный процесс посредством их информирования о будущем судебном разбирательстве и установлении правовых последствий в виде невозможности в дальнейшем инициировать судебный процесс по тождественным требованиям. В частности, такие последствия установлены пунктом 6 статьи 181.4 ГК РФ, согласно которой участники корпорации, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к иску об оспаривании решения общего собрания участников этой корпорации, в том числе имеющие иные основания для оспаривания такого решения, в последующем не вправе обращаться в суд с требованиями об оспаривании данного решения, если только суд не признает причины этого обращения уважительными. Вместе с тем в правоприменительной практике имели место ошибки в квалификации правовой природы досудебных уведомлений, что вызвало необходимость в формировании правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, прямо указывающей на

то, что такие уведомления не являются досудебным порядком урегулирования спора, которая была отражена в пункте 115 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹.

Обязанность направлять досудебные уведомления по своей правовой природе является процессуальной обязанностью, поскольку она вменяется законодателем обязанному лицу в связи с предстоящим обращением в суд (реализацией права на судебную защиту) и имеются именно процессуальные последствия ее неисполнения. Такими процессуальными последствиями является оставление искового заявления или заявления без движения.

Раскрытие информации судом.

Общие основания и порядок раскрытия информации судом как средства обеспечения открытости правосудия установлены в Федеральном законе от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»². В нем в качестве одного из способов доступа к информации о деятельности судов указано на размещение информации о деятельности судов в сети «Интернет». Общие основания раскрытия информации также содержатся в абзаце 2 части 1 статьи 121 АПК РФ и части 7 статьи 113 ГПК РФ. Согласно приведенным процессуальным нормам суд размещает в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» следующую информацию:

- 1) о принятии заявления (искового заявления) к производству суда;
- 2) о времени и месте судебного заседания;
- 3) о времени и месте совершения отдельного процессуального действия.

При этом в арбитражном процессе, помимо приведенных общих норм, действует и специальная норма, речь

¹ БВС РФ. 2015. № 8.

² СЗ РФ. 2008. № 52 (часть 1). Ст. 6217.

идет о части 1 статьи 225.4 АПК РФ, которая требует от суда дополнительно раскрывать посредством размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» следующую информацию:

1) о движении дела по спору;

2) принятые судебные акты арбитражного суда, в том числе о вступлении в дело новых лиц, об изменении основания или предмета ранее заявленного иска, о принятии обеспечительных мер, об отказе от иска, о признании иска, о заключении мирового соглашения, о принятии судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в арбитражном суде.

Если Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ говорит о размещении информации о «прохождении дела», то в части 1 статьи 225.4 АПК РФ используется несколько иной термин — «движение дела». Представляется, что, несмотря на лексическую разницу используемых понятий, речь идет об одной и той же информации касательно стадий арбитражного процесса и совершения отдельных процессуальных действий. В частности, предусмотрена публикация информации в виде раскрытия статуса дела: назначено к слушанию с указанием даты, времени и места проведения судебного заседания, рассмотрено, отложено, приостановлено, прекращено, заключено мировое соглашение, заявление оставлено без рассмотрения и т.д. Также предполагается публикация информации о поступивших заявлениях и ходатайствах участников арбитражного процесса.

Специальной нормы о раскрытии информации судом общей юрисдикции по корпоративным спорам в ГПК РФ не содержится. В этой связи при рассмотрении корпоративного спора суд общей юрисдикции должен применять положения части 1 статьи 225.4 АПК РФ по аналогии закона (пункт 31 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25).

Корпоративные правоотношения, спор из которых рассматривается архи-

тражным судом, характеризуются многосубъектным составом. Данная черта в сферу цивилистического процесса проецируется проблемой определения процессуального статуса участников спорного материального правоотношения. Так, в части 2 статьи 225.4 АПК РФ мы видим выделение корпорации из числа лиц, участвующих в деле. Когда в 2009 г. в АПК РФ вводилась глава 28.1 о рассмотрении корпоративных споров, никаких изменений в главу 5 АПК РФ, перечисляющую лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, принято не было. Как следствие этого, появились расхождения между общей частью АПК РФ, устанавливающей круг субъектов арбитражного процесса и их процессуальный статус, и особенной частью, в которой появились новые субъекты. На данную проблему ранее уже указывалось в доктрине³.

Юридическое лицо (корпорация) может иметь по делу статус лица, участвующего в деле (например, по иску участника корпорации об оспаривании крупной сделки или сделки, в совершении которой имелась заинтересованность, корпорация выступает в качестве истца, на что указано в пункте 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25). При наличии у корпорации статуса истца или иного лица, участвующего в деле, ее уведомление производится по общим правилам, закрепленным в статье 121 АПК РФ и статье 113 ГПК РФ.

При отсутствии у корпорации процессуального статуса лица, участвующего в деле, применяется правило части 2 статьи 225.4 АПК РФ. Арбитражный суд не позднее следующего дня после вынесения судебного акта направля-

³ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Уральский гос. юрид. ун-т; под ред. д.ю.н., проф. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М., 2019. С. 675–676; Юдин А.В. Процессуальный статус юридического лица по корпоративному спору, рассматриваемому арбитражным судом // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 12. С. 22–24.

ет в адрес корпорации определение о принятии искового заявления или заявления, а также судебные акты, содержащие сведения об изменении основания или предмета иска. Направление указанных судебных актов производится в бумажном виде по адресу корпорации, содержащемуся в ЕГРЮЛ. Выписка ЕГРЮЛ появляется в материалах дела вместе с исковым заявлением или заявлением по правилам части 2 статьи 225.3 АПК РФ. Вместе с тем арбитражный суд для целей уведомления корпорации не лишен возможности самостоятельно запросить актуальные сведения из ЕГРЮЛ.

Раскрытие информации корпорацией. Вовлечение участников и возможных участников корпоративного спора в судебный процесс предполагает доведение информации не только до юридического лица (корпорации), но и до иных субъектов. Часть 3 статьи 225.4 АПК РФ к их числу относит:

- 1) участников (членов, акционеров) юридического лица (корпорации);
- 2) лиц, входящих в органы управления и органы контроля юридического лица (корпорации);
- 3) держателя реестра акционеров акционерных обществ;
- 4) депозитарии, осуществляющие учет прав на эмиссионные ценные бумаги юридического лица (корпорации).

Обязанность довести информацию до указанных лиц возлагается на юридическое лицо (корпорацию) в определении арбитражного суда о принятии искового заявления или заявления к производству, которое также должно содержать и срок исполнения этой обязанности. Конкретную продолжительность срока АПК РФ не устанавливает, поэтому назначаемый судом срок должен быть разумным с учетом обстоятельств дела, срока его рассмотрения и достаточным для фактического доведения информации до адресатов. Обязанность довести информацию возлагается по усмотрению суда и может не применяться с учетом конкретных обстоятельств дела (например, когда все

иные участники корпоративного спора имеют процессуальный статус лиц, участвующих в деле, а значит, извещаются судом в общем порядке по правилам статьи 121 АПК РФ и участвуют в обмене процессуальными документами, например, в их адрес направляется копия искового заявления, отзыва и т.д.).

За неисполнение обязанности по уведомлению, если она была возложена судом на юридическое лицо (корпорацию) персональную ответственность несет лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, или лицо, возглавляющее коллегиальный исполнительный орган этого юридического лица (корпорации). Конкретное должностное лицо, на которое налагается судебный штраф, определяется с учетом законодательства об отдельных видах юридических лиц и положений локальных нормативных актов, определяющих должностные обязанности и круг предметной компетенции конкретных должностных лиц. Размер штрафа в настоящее время составляет тридцать тысяч рублей (ранее — пять тысяч рублей), что в большинстве случаев является недостаточным для обеспечения надлежащего поведения со стороны обязанных лиц, поскольку зачастую корпоративный спор может иметь гораздо большее стоимостное выражение.

Применение правил разрешения корпоративных споров, установленных в АПК РФ, по аналогии с судами общей юрисдикции, о чем говорилось выше, не означает возможность применения по аналогии судебных штрафов за неисполнение процессуальной обязанности по раскрытию информации корпорацией в гражданском процессе. Это указывает на необходимость дополнения положений ГПК РФ новой главой, посвященной процедуре разрешения корпоративных споров судами общей юрисдикции, где, в частности, была бы установлена ответственность за неисполнение процессуальных обязанностей корпорации.

Самостоятельное получение информации заинтересованным лицом. Как уже отмечалось ранее, статья 225.4

АПК РФ отражает проблему определения процессуального статуса юридического лица (корпорации), в арбитражном процессе. В ряде случаев корпорация имеет процессуальный статус истца или ответчика, а значит, пользуется правами лиц, участвующих в деле (статья 41 АПК РФ). Вместе с тем, как указывалось ранее, корпорация может и не иметь статуса лица, участвующего в деле. В таком случае она наделяется процессуальными правами по правилам части 5 статьи 225.4 АПК РФ: знакомиться с материалами дела по спору, делать выписки из них, снимать копии, получать информацию о движении дела с использованием любых общедоступных средств связи.

Определенный пробел в правовом регулировании реализации данного способа получения информации о судебном корпоративном споре наблюдается применительно к участникам корпорации, от которых ожидается проявление процессуальной активности в разрешении спора посредством вступления в уже начатое дело. Например, по косвенным (производным) искам, предъявляемым участником корпорации и содержащим требования об оспаривании заключенных корпорацией сделок, требований о применении последствий их недействительности или о применении последствий недействительности ничтожных сделок, другие участники корпорации, согласные с заявленным требованием, вправе вступить в процесс путем присоединения к иску. Иные участники корпорации, не согласные с заявленными требованиями, вправе вступить в дело на стороне ответчика в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требо-

ваний (пункт 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25). Однако каким образом участники корпорации до вступления в процесс должны определиться с тем, согласны ли они с заявленными требованиями или нет, если первые три способа, обеспечивающие реализацию их права на получение информации о судебном корпоративном споре (досудебные уведомления по корпоративному спору, раскрытие информации судом, раскрытие информации корпорацией), не сработали ненадлежащим образом, ни закон, ни правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации не раскрывают. Очевидно, что здесь имеется пробел в правовом регулировании и нужно наделить участников корпорации правом на самостоятельное получение информации о судебном корпоративном споре по аналогии с правилом части 5 статьи 225.4 АПК РФ.

Правило части 1 статьи 225.10-2 АПК РФ, по которому участники корпорации при определенных условиях могли бы получать информацию о судебном корпоративном споре, не является решением изложенной правовой проблемы, поскольку, во-первых, наделяет правом знакомиться с материалами дела (а значит, самостоятельно получать информацию о судебном корпоративном споре) только тех лиц, кто уже присоединился к иску (т.е. определился с тем, что он согласен с заявленным требованием), и, во-вторых, оно применяется только в рамках производства по делам о защите прав и законных интересов группы лиц. При этом не все корпоративные споры подлежат разрешению по правилам группового производства.

Литература

1. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. Москва : Статут, 2019. 1072 с.
2. Юдин А.В. Процессуальный статус юридического лица по корпоративному спору, рассматриваемому арбитражным судом / А.В. Юдин // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 12. С. 22–24.

Вифлянцева**Андрей Олегович,**

аспирант факультета права

Национального исследовательского

университета «Высшая школа

экономики» (НИУ ВШЭ)

lawfaculty@hse.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-34-38

К вопросу о телеологическом толковании активности суда по делам об оспаривании нормативных правовых актов

Активность суда — сущностно-оспариваемое понятие, которое будет всегда оспариваться процессуалистами в попытках найти наиболее удачную дефиницию. Автор анализирует активность суда путем телеологического толкования по делам об оспаривании нормативных правовых актов. В результате анализа судебной практики автор приходит к выводу, что суды рассматривают активность суда по делам об оспаривании нормативных правовых актов как дискрецию суда в целях оказания помощи одной из сторон. Автор приводит аргументы *contra* к такому подходу и в результате делает вывод о необходимости нормативного закрепления телеологического объяснения активности суда — для оказания гражданину содействия в реализации его процессуальных прав.

Ключевые слова: принципы административного судопроизводства, активная роль суда в процессе, диспозитивность, состязательность, объективная истина.

Исторически в российском цивилистическом процессе, который перенял многие черты процесса стран континентального права, активность суда приветствуется как необходимое начало процесса¹. При этом активность суда рассматривалась как исключительное условие для определения материальной истины². Однако обнаружение и установление истины не связывается со следственным началом, а рассматривается как повышение согласия сторон с решением и, таким образом, способствует правовой защищенности³.

Данные теоретические начала были реализованы в ст. 14 ГПК РСФСР 1964 г.⁴, предусматривающей, что суд обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективно-

го выяснения действительных обстоятельств дела, что, в свою очередь, развивалось в специальных нормах, например, регулирующих процесс доказывания. Большинство положений, предусматривающих полномочия «активного суда», были перенесены из ГПК РСФСР 1964 г. в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации⁵ (далее — ГПК РФ). В контексте споров, возникающих из публичных правоотношений, было даже прямо указано, что суд может истребовать доказательства по своей инициативе *в целях правильного разрешения дела* (курсив мой. — А.В.) (п. 2 ст. 249 ГПК РФ). Проблемы телеологического толкования полномочий активного суда возникли еще в ГПК РФ при обращении к делам, возникающим из публичных правоотношений, потому что именно в данной категории дел основополагающей идеей является защита слабой стороны, то есть гражданина⁶, таким образом появилось второе возможное телеологическое толкование, которое, если и не прямо противоречит более ранним теоретическим положениям, то акцентирует внимание на иных аспектах.

¹ См. подробнее: Сахнова Т.В. О принципах цивилистического процесса (в контексте «европеизации» процессуального права) // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2009–2010. № 7–8. СПб., 2011.

² См. подробнее: Павлова М.С. Правовая природа и значение спора о праве по делам, возникающим из публичных правоотношений // Юрист. 2015. № 2. С. 19–23.

³ Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. С. 156.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 175.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Российская газета. 2002. 20 ноября.

⁶ См., напр.: Зеленцов А.Б. Административно-правовой спор: вопросы теории : монография. М.: РУДН, 2005.

В итоге решение проблемы осмысления активности суда не только в делах об оспаривании нормативных правовых актов, но и в административном судопроизводстве несколько затянулось, что отрицательно отразилось на законодательном регулировании, так как в формально-правовом смысле нормативная дифференциация в регулировании процессов административного и гражданского судопроизводства осуществляется эволюционно, не подвергая правовую материю существенным колебаниям⁷.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации⁸ (далее — КАС РФ) впитал в себя двуликость телеологического толкования роли активного суда. С одной стороны, п. 7 ст. 6 КАС РФ законодательно закрепляет принцип состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда, при этом в статье, раскрывающей этот принцип активного суда, был несправедливо «утерян»⁹. В итоге общие нормы (ст. 12 ГПК РФ, ст. 14 КАС РФ) концептуально отличаются лишь обязанностью суда создавать условия и *принимать предусмотренные КАС РФ меры* (курсив мой. — А.В.) для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств. С другой стороны, как указано в пояснительной записке к проекту КАС РФ, учитывая, что в административном процессе сторонами являются гражданин и государство, располагающие неравными возможностями, предусмотрена активная роль суда в процессе с тем, чтобы обеспечить подлинные состязательность и равноправие сторон, для чего судам дана возможность оказывать гражданину содействие в реализации его процессуальных прав¹⁰. И такой компенсаторно-процессуальный механизм

обеспечения баланса правового статуса¹¹ получил свое развитие в специальных нормах КАС РФ.

В контексте дел об оспаривании нормативных правовых актов такой нормой является п. 7 ст. 213 КАС РФ, согласно которой «при рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта суд проверяет законность положений нормативного правового акта, которые оспариваются. При проверке законности этих положений суд *не связан основаниями и доводами*, содержащимися в административном исковом заявлении о признании нормативного правового акта недействующим, и выясняет обстоятельства, указанные в ч. 8 настоящей статьи, в полном объеме». Вместе с тем практическая сторона вопроса активной роли суда не исчерпывается только правом выходить за пределы, указанные в иске, но и включает возможность истребовать судом доказательств по собственной инициативе (ч. 1 ст. 63 КАС РФ).

Такие «тонкие настройки» законодательства с трудом улавливаются судами, а в научном сообществе так и вовсе вызывают серьезную дискуссию¹². Как показывает анализ судебной практики, суды не видят принципиальных изменений, предлагаемых КАС РФ в контексте озвученной цели в пояснительной записке. Казалось бы, телеологическое толкование в соответствии с пояснительной запиской п. 7 ст. 213 КАС РФ должно приводить к бесспорному выводу о том, что задача суда — помогать гражданам, которые являются слабой стороной в процессе, если очевидно, что эта помощь необходима. В итоге даже на уровне Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) судебная практика, которая должна формировать положительные тенденции, крайне неоднозначна. Например, ВС РФ признал решение суда первой инстанции

⁷ Майборода В.А. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Судья. 2017. № 3. С. 57–60.

⁸ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. (ред. от 02.12.2019) № 21-ФЗ // Российская газета. 2015. 11 марта.

⁹ Орлов А.В. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Российский судья. 2016. № 8. С. 12–15.

¹⁰ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Орлов А.В. Указ. соч. С. 12–15.

¹² См., напр.: Громошина Н.А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 96–112; Величко М.Б. Отдельные особенности административного судопроизводства по сравнению с гражданским, которые подлежат отражению в процедуре доказывания, применения правил о преюдициальности судебного акта, обуславливая их особенности // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 423–437.

незаконным и подлежащим отмене в связи с тем, что истец оспаривал нормативный правовой акт в части, а суд первой инстанции признал нормативный правовой акт полностью недействительным¹³.

Вместе с тем ВС РФ поддерживает суд первой инстанции, по своей инициативе помогающий государственному органу, который не установил необходимые факты при принятии оспариваемого решения, при этом ВС РФ указывает, что апелляционная жалоба по данному основанию не имеет правового значения, поскольку в соответствии с ч. 7 ст. 213 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации при проверке законности положений оспариваемого нормативного правового акта суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении¹⁴.

С нашей точки зрения, вызывает опасение следующее обстоятельство: верные, на наш взгляд, по сути решения ВС РФ объясняет крайне спорно. Так, по одному из дел решением суда первой инстанции исковое заявление административного истца удовлетворено в части. Одним из доводов апелляционной жалобы послужило то, что суд первой инстанции не проверил определенные положения нормативного правового акта, которые не были указаны в административном иске. Административный истец таким образом толковал ч. 7 ст. 213 КАС РФ, что суд а priori должен проверить нормативный правовой акт полностью, поскольку он не связан доводами, указанными в административном иске. Как нам представляется, такое толкование закона опасно, так как снимает значительную часть ответственности стороны за вынесенное решение и перекладывает на суд, который обязан всегда проверить нормативный правовой акт полностью, а следуя логике истца, еще и выйти за пределы основания иска, найдя дополнительные аргументы в пользу позиции истца, что было бы больше похоже на следственную модель судопроизвод-

ства. ВС РФ, принимая решение по этому делу, указал следующее: «Довод в апелляционной жалобе основан на неверном толковании норм процессуального права. В соответствии с ч. 7 ст. 213 КАС РФ, поскольку в настоящем деле административным истцом не заявлялись требования об оспаривании... поэтому судом первой инстанции законность названных положений не проверялась»¹⁵. Буквальное толкование судебного решения приводит к выводу о том, что суд связан полностью доводами административного искового заявления, что прямо противоречит п. 7 ст. 213 КАС РФ.

Отметим, что ч. 1 ст. 63 КАС РФ применяются иначе. Например, ВС РФ указывал, что в силу объективных трудностей собирания доказательств нарушения условий содержания лишенных свободы лиц суд оказывает административному истцу содействие в реализации его прав¹⁶. Однако по-прежнему ВС РФ продолжает толковать активность суда как необходимость для принятия законного и обоснованного решения¹⁷.

Самым радикальным примером активности суда является ситуация, когда суд не рассматривает заявленные истцами требования о признании нормативного правового акта недействующим по указанным истцами основаниям, но суд, выходя за пределы, указанные в административном иске, тем не менее оценивает весь нормативный правовой акт на предмет незаконности. ВС РФ такие действия признал законными в связи с тем, что суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении о признании нормативного правового акта недействующим, и выясняет обстоятельства, указанные в ч. 8 ст. 213 КАС РФ, в полном объеме¹⁸.

¹³ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 1-АПА19-1.

¹⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2018 г. № 11-АПГ17-25.

¹⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2017 г. № 9-АПГ17-23.

¹⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2019 г. № 78-КА19-17.

¹⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2016 г. № 46-АПГ16-28.

¹⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 2017 г. № 48-АПГ17-9.

Безусловно, активность суда — сущностно-оспариваемое понятие, которое будет всегда оспариваться процессуалистами в попытках найти наиболее удачную дефиницию. Принимая во внимание условность всех терминологических моментов, полагаем, что в настоящее время следует отметить два аспекта.

Во-первых, активность суда будет всегда иметь место быть. Единственная ситуация, в которой может быть предусмотрена действительно инквизиторская процедура, это ситуация, когда полицейский, прибывший на место драки, открывает процесс почти сакральной формулой: «Что здесь происходит?»¹⁹. А идеальная контрадикторная форма процесса — суд, который не совершает никаких действий, кроме принятия итогового решения исключительно на основе доказательств, представленных сторонами. Практически во всех странах мира все виды судопроизводства не стремятся ни к одному из таких радикальных случаев, а наоборот, абсолютное большинство правил судопроизводства занимает промежуточное место между вышеописанными крайностями. Поэтому не так важно, будет ли принцип закреплен законодательно или нет, так как активность суда, или его активные полномочия, всегда будут присутствовать в законодательстве.

Во-вторых, если активность суда будет присуща любому процессу, который является предметом обсуждения, то гораздо важнее понимать цели, которые стремится достичь законодатель, закрепляя то или иное полномочие суда. Как нам представляется, активные полномочия суда в абсолютном большинстве дел не способствуют достижению истины. Е.В. Васьковский еще в 1932 г. указывал, что стороны больше, чем кто-то другой, и в любом случае больше, чем суд, заинтересованы в выяснении обстоятельств дела²⁰. Проблема отсутствия заинтересованности суда не решается в абсолютном большинстве дел.

Кроме того, судебный спор в абсолютном большинстве случаев силлогистичен²¹,

то есть суд разрешает споры на основании, во-первых, установленных фактов, во-вторых, определения необходимости применения норм права. Процессуальная специфика дел об оспаривании нормативных правовых актов заключается в том, что вопросы факта, как правило, не играют большой роли, а основной спор происходит вокруг необходимости применения той или иной нормы права²². По делам об оспаривании нормативных правовых актов после подтверждения полномочий истца бремя доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. Соответственно, по общему правилу, после того, как сторона, на которую процессуальным кодексом возложена обязанность доказывания, факт доказала, то бремя переносится на процессуального оппонента, а его пассивность, выраженная в отказе представлять контрдоказательства, будет означать признание спорного факта доказанным²³. Именно в данный момент по делам об оспаривании нормативных правовых актов суд может и должен приходить на помощь административному истцу. Такое правило наиболее уместно в делах об оспаривании нормативных правовых актов в силу вышеуказанной специфики спора. *Jura novit curia*²⁴ — в силу данного принципа в тех случаях, когда суд видит, что административный истец заблуждается в отношении, например, толкования определенной

¹⁹ Jolowicz J.A. Adversarial and Inquisitorial Models of Civil Procedure // *The International and Comparative Law Quarterly*. 2003. Vol. 52. No. 2. P. 281–295.

²⁰ Васьковский Е.В. Система гражданского процесса // *Избранные работы польского периода*. М., 2016. С. 132.

²¹ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003 // СПС «Гарант».

²² Доказательство того, что спор по данной категории дел может быть связан с выяснением фактических обстоятельств дела, следующий: при оспаривании решения Совета депутатов, связанного с изменением норматива потребления коммунальных услуг, административный истец представил заключение Ассоциации независимых экспертов, которое якобы не было учтено при принятии оспариваемого решения. Представитель административного ответчика утверждал, что данное заключение не обсуждалось на заседании Совета и было изготовлено позднее той даты, которая стояла на нем. (цит. по: Туманова Л.В. Особенности доказывания по делам о нормоконтроле // *Вестник гражданского процесса*. 2019. № 1. С. 223–237).

²³ Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты и доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019. № 5. С. 3–96.

²⁴ С лат. — «суд знает законы».

нормы, то долг суда — помочь гражданину, так как оспаривание нормативных правовых актов в административном судопроизводстве *lege lata*²⁵ служит прежде всего защите интересов общества в устранении «некачественных» нормативных правовых актов²⁶.

²⁵ С лат. — с точки зрения действующего закона.

²⁶ Ярков В.В., Спицин И.Н. Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 4. С. 554–567.

Как нам представляется, исходя из вышеуказанных оснований нормативное закрепление полномочий суда по делам об оспаривании нормативных правовых актов нуждается в корректировке. Поскольку активная роль суда не может и не должна восприниматься как судебская дискреция по организации помощи любой из сторон, то уместным видится нормативное закрепление телеологического объяснения активности суда — для оказания гражданину содействия в реализации его процессуальных прав.

Литература

1. Васьковский Е.В. Система гражданского процесса // Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода / Е.В. Васьковский ; перевод с польского А.А. Богустов, Ю.В. Тай. Москва : Статут : Адвокатское бюро Бартолиус, 2016. 640 с.
2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский ; с предисловием и под редакцией В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2003. 441 с.
3. Величко М.Б. Отдельные особенности административного судопроизводства по сравнению с гражданским, которые подлежат отражению в процедуре доказывания, применения правил о преюдициальности судебного акта, обуславливая их особенности / М.Б. Величко // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 423–437.
4. Громошина Н.А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве / Н.А. Громошина // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 96–112.
5. Зеленцов А.Б. Административно-правовой спор: вопросы теории : монография / А.Б. Зеленцов. Москва : РУДН, 2005. 732 с.
6. Карапетов А.Г. Стандарты и доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 3–96.
7. Майборода В.А. Активная роль суда в административном судопроизводстве / В.А. Майборода // Судья. 2017. № 3. С. 57–60.
8. Орлов А.В. Активная роль суда в административном судопроизводстве / А.В. Орлов // Российский судья. 2016. № 8. С. 12–15.
9. Павлова М.С. Правовая природа и значение спора о праве по делам, возникающим из публичных правоотношений / М.С. Павлова // Юрист. 2015. № 2. С. 19–23.
10. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2014. 784 с.
11. Сахнова Т.В. О принципах цивилистического процесса (в контексте «европеизации» процессуального права) / Т.В. Сахнова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2009. № 7. С. 44–53.
12. Туманова Л.В. Особенности доказывания по делам о нормоконтроле / Л.В. Туманова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 223–237.
13. Ярков В.В. Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: современное состояние и пути совершенствования / В.В. Ярков, И.Н. Спицин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 4. С. 554–567.

References

1. Jolowicz J.A. Adversarial and Inquisitorial Models of Civil Procedure / J.A. Jolowicz // The International and Comparative Law Quarterly. 2003. Vol. 52. № 2. P. 281–295.

Брановицкий**Константин Леонидович,**доцент кафедры гражданского
процесса Уральскогогосударственного юридического
университета,доктор юридических наук, магистр
права LL.M (Киль, Германия)

branovitsky@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-39-44

Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение*

В настоящей статье рассматриваются вопросы доступности правосудия в сфере международного гражданского процесса, а именно его цифровой составляющей. Многие правовые порядки, в том числе российский, на сегодняшний день достаточно далеко продвинулись как в цифровизации правосудия, так и в понимании доступности правосудия. Несмотря на то что доступность цифрового правосудия пока только формирующееся в процессуальной доктрине понятие (в аспекте более широкого термина доступность правосудия), требующее детального научного обоснования, отрицать его существование вряд ли возможно. Целью настоящей статьи является не анализ состояния цифровой доступности в отечественной правовой системе, а попытка задуматься над ее необходимостью в трансграничном измерении, на примерах отдельных процессуальных институтов международного гражданского процесса (судебные извещения, сбор доказательств за рубежом, признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений).

Ключевые слова: международный гражданский процесс, цифровизация правосудия, видеоконференц-связь, трансграничные споры.

Введение

В межгосударственном взаимодействии в сфере гражданского процесса ключевым аспектом выступает обеспечение гарантий права участников процесса быть выслушанным в суде¹ в контексте обеспечения доступности правосудия. Весь арсенал источников и норм международного гражданского процесса (многосторонние — двухсторонние соглашения, конвенции, регламенты и директивы ЕС, национальное право) так или иначе «заточен» под решение данной глобальной задачи.

Во второй половине XIX в. государства ценной неимоверных усилий (особенно сложным было согласование процессуальных особенностей континентальной и общей правовых традиций) сделали важнейший шаг в решении этой задачи путем принятия Гаагских конвенций (например, Конвенция о вручении судебных документов

1965 года², Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам 1970 года³).

С момента принятия конвенций, призванных гарантировать доступность правосудия в межгосударственном аспекте, прошло уже 70 лет. Процессуальные законодательства и национальные доктрины большинства государств — участников данных конвенций изменились в понимании доступности правосудия, включив в нее цифровой аспект (так называемая «цифровая доступность правосудия»)⁴. Во многих

² СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4951.

³ Официально опубликована не была. Текст (на русском языке) доступен по адресу: <https://to78.minjust.ru/ru/konvenciya-o-polucheniiza-granicey-dokazatelstv-po-grazhdanskim-ili-torgovym-delam-0>

⁴ Ярков В.В. Электронное правосудие // эж-Юрист. 2006. № 41; Брановицкий К.Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 24—27; Незнамов А.В. «Цифровое просвещение», доступность правосудия и экономическая составляющая цифровизации гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2019.

¹ Schack Haimo. Internationales Zivilverfahrensrecht. 4 Auflage. C.H.Beck. München. 2006. Rn. 594.

* Статья подготовлена и публикуется в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Информационные технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия» № 18-29-16070.

национальных правовых порядках в гражданском процессе возникло понимание того, что участники судопроизводства вправе не только пользоваться современными технологиями правосудия (видеоконференц-связь, направление и получение документов в электронном виде, электронные судебные извещения и т.д.), но и требовать обеспечения от государства работоспособности / доступности таких сервисов.

Так, сторона, обладающая доступом к современным информационным системам, вправе положиться на государство в вопросах устойчивости и безопасности таких систем, так же как и на привычное время работы канцелярии суда. Нарушение таких ожиданий (например, сбой в доставке искового заявления в электронном виде в последний день истечения срока исковой давности) может равным образом нарушать как принцип равноправия сторон (в сравнении со стороной, воспользовавшейся традиционным способом подачи иска), так и право каждого на доступность правосудия и на судебную защиту⁵.

Соответствует ли международный гражданский процесс сегодня современному пониманию доступности правосудия вопрос, который требует не столько простого ответа «да/нет», сколько поиска причин сложившегося status quo? То, что государства считали прорывным в международном регулировании во второй половине прошлого века (например, прямое вручение судебных извещений через центральный орган вместо дипломатического / консульского извещения), сегодня выглядит в сфере международного гражданского процесса неким «архаизмом». Другими словами, для национальных и трансграничных споров параллельно существуют две разные доступности.

№ 9. С. 53–57; Фокин Е.А. Доступность правосудия, качество закона и развитие арбитражного процессуального закона // Журнал российского права. 2018. № 12 (264) С. 120–129.

⁵ Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70.

Возвращаясь к тезису о том, что обеспечение права быть выслушанным и доступность правосудия является ключевым элементом международного гражданского процесса, его важнейшей задачей, следует на следующих простых примерах международного правового регулирования проверить соблюдение доступности в трансграничных спорах.

1. Судебные извещения

Как уже упоминалась ранее, ключевым соглашением международного гражданского процесса в этой сфере является Гагская конвенция о вручении судебных документов 1965 года, которая вместо сложного дипломатического / консульского передаточного пути впервые предусмотрела возможность «непосредственного» извещения через органы юстиции (так называемые центральные органы) договаривающихся государств.

Вместе с тем то обстоятельство, что из более чем 70 договаривающихся государств почти половина участников исключили действие ст. 10а (так называемое «альтернативное вручение» — прямое извещение по почте), наглядно показывает, что в международном гражданском процессе даже «направление по почте» вызывает у государств отторжение. Причина — «закостенелость международной доктрины, рассматривающей вручение как «акт государственного верховенства, оказывающий содействие иностранному судебному процессу»⁶. Со справедливой критикой такого понимания со стороны проф. Шака, предлагавшего еще в конце XX в. во главу угла ставить обеспечение права быть выслушанным, трудно не согласиться. Почтовый путь, как надежное средство мировой коммуникации, должен быть освобожден от международно-правовых препятствий, писал он⁷.

Несмотря на обоснованную критику, ситуация с мертвой точки до сегодняшнего дня так не сдвинулась. Трудно поверить, но в XXI в., эпохе техноло-

⁶ Schmitz Berthold. Fiktive Auslandszustellung. Duncker & Humblot 1980. S. 12; VVerfGE 91, 335, 339.

⁷ Schack Haimo. Op. cit. Rn. 590–594.

гического прогресса и искусственного интеллекта, в международном гражданском процессе бумажный «почтовый путь» при разрешении трансграничных споров редкость. При этом извещение «по умолчанию» через центральные органы может в зависимости от государства занимать от месяца до полугода. Что уж говорить об электронной почте или многообразии сервисов мгновенных сообщений, позволяющих за секунды известить о чем-либо лицо, находящееся в другом земном полушарии.

При этом некоторые государства вполне себе допускают современные способы судебного извещения при разрешении внутринациональных споров. Такое положение говорит о «двойных стандартах» к пониманию доступности правосудия для отечественных и иностранных участников судопроизводства. Здесь можно было бы подумать над возможностью альтернативных цифровых способов извещения сторон трансграничных споров, через создание онлайн-сервиса судебных повесток в рамках Гаагской конференции. В качестве отправной точки и правового основания такого способа извещения могли бы стать договорные условия трансграничных контрактов. При наличии контрактного условия об извещении через такой сервис суд, в котором рассматривается дело напрямую / через центральный орган, загружает извещение в электронной форме.

2. Судебные поручения

Судебные дела, находящиеся в сфере действия международного гражданского процесса, осложнены иностранным элементом. Последний может выражаться не только в иностранной стороне процесса, но и в том, что важный документ может храниться в одном государстве, свидетель находится в другом, а суд, рассматривающий спор, в третьем государстве. Соответственно документ должен быть осмотрен, свидетель допрошен таким образом, чтобы не нарушать территориального верховенства другого государства.

Созданный Гаагской конвенцией о получении за границей доказательств

по гражданским и торговым делам в 1970 году механизм сотрудничества государств в получении доказательств за границей должен был облегчить правовую помощь в сборе доказательств за границей.

Наряду с известным *Justizkonflikt*⁸, а также сложностями с реализацией ст. 39 данной Конвенции⁹, существующий механизм на практике допускает лишь «бумажный» оборот. Возможности, которыми пользуются многие правовые порядки (допрос свидетеля или эксперта с использованием видеоконференц-связи, получение онлайн выписок из государственных реестров), в межгосударственном судебном обороте практически не используются. Даже при наличии технической возможности отдельные попытки заканчивались провалом¹⁰.

В связи с этим детальное изучение требует вопрос: что сегодня мешает государствам в трансграничных спорах использовать современные технологии в исследовании доказательств за границей: несовершенство положений

⁸ Подробнее см.: Schlosser Peter. *Justizkonflikt zwischen den USA und Europa*. De Gruyter 1985. S. 30. Stürner, *Rechtshilfe nach dem HBÜ für Common Law-Länder*, JZ, 1981, S. 521–525.

⁹ В силу данной нормы присоединение будет действительным только для отношений между присоединяющимся государством и теми Договаривающимися государствами, которые заявят о своем согласии на присоединение. Например, в отношениях между Российской Федерацией и Германией конвенция не действует, поскольку Германия не дала своего согласия на присоединение Российской Федерации. Такое регулирование усложняет правоприменение и влечет к уходу от создания универсального регулирования к множеству отдельных ситуаций.

¹⁰ Например, в деле *J Barber & Sons (a firm) v Lloyd's Underwriters and Others* в рамках конвенционного регулирования был направлен судебный запрос из США, в котором суд просили провести видеозапись допроса свидетелей в соответствии с процедурой «deposition» (подразумевает запись допроса свидетеля на видеокамеру для последующего просмотра составом суда и присяжными). Судья отделения Королевской скамьи отказал в применении этой особой формы, указав: «Хотя нельзя сказать, что видеозапись не может быть исполнена, соображения возможного стресса для свидетелей не перевешивают ценность и удобство видеозаписи при проведении допроса». URL: <http://www.uniset.ca/lloyddata/css/1987QB103.html>

Конвенции, недоверие друг к другу или отсутствие единых технических стандартов?

3. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений

Институт признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в межгосударственном взаимодействии прошел длительный период своего развития. Во времена существования *Ius commune* (XI–XVI в.)¹¹ действовало правило о том, что судебная власть, несмотря на все территориальные особенности, имеет свои истоки в империи, равно как и власть (в том числе как последняя судебная инстанция) местных правителей исходит от главы империи. Наличие такой взаимосвязи (в том числе в межгосударственном аспекте) на практике уже само по себе в большинстве случаев приводило к признанию иностранного судебного решения. Так, в заключении по вопросу о признании решения голландского суда 1757 г. известный немецкий юрист Путтер (Joahann Stephan Pütter) отмечал, что единственным условием признания должна выступать компетенция иностранного суда, что проистекает из международного принципа уважения к праву другого государства¹². Компетенция иностранного суда, в свою очередь, основывалась на принципах римского права и природе вещи (спора)¹³. При

этом наличие компетенции иностранного суда, как условия признания, вывело из того, что при отсутствии компетенции иностранного суда отсутствует и судебное решение как таковое¹⁴.

Пришедший позднее (в период кодификации / «национализации» права в XVIII–XX вв.) новый подход был ярким проявлением суверенитета государств, торжества национальных правовых порядков и допускал признание иностранных судебных решений только в случаях, определяемых государствами самостоятельно (например, наличие международного соглашения)¹⁵. С точки зрения догматики процесса¹⁶ подход этот основывался на том, что вступившее в законную силу решение является для сторон процесса своего рода законом, а поскольку закон имеет территориальное действие, то действие судебного решения ограничивается территорией государства.

Принимая во внимание отсутствие в настоящее время обязанности признавать иностранные судебные решения в силу общих норм международного права, а также существующего понимания государственного суверенитета (границы действия судебного решения) в контексте признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, научный интерес в аспекте заявленной темы должен представлять даже не поиск альтернативы процедуре экзекватуры / отказ от нее, а приведение ее в соответствие с существующими в национальных правовых порядках цифровыми стандартами в области правосудия.

Важнейший процессуальный институт международного гражданского процесса — институт экзекватуры — регули-

gelehrsamkeit. Göttingen, 1777. Bd. 1, 2. Fall 89. 707.

¹⁴ Bülow F. von, Hagemann T. Praktische Erörterungen aus allen Theilen der Rechtsgelehrsamkeit, hin und wieder mit Urteils-Sprüchen des Zelleschen Tribunals und der übrigen Justizhöfe bestärkt. Hannover, 1804. Bd. 4. S. 116, 120.

¹⁵ Fricke M. Die autonome Anerkennungs-zuständigkeitsregel im deutschen Recht des 19. Jahrhunderts. S. 12.

¹⁶ Zacharia. Germanien. Giessen, 1809. Bd. II. S. 229, 234.

¹¹ *Ius commune* представляется собой правовое явление, состоящее из римского и канонического права, специфическая часть европейской культуры того времени. Подробнее см.: Wolter U. *Ius canonicum in jure civili. Studien zur Rechtsquellenlehre in der neueren Privatrechtsgeschichte* (Forschungen zur neueren Privatrechtsgeschichte 23). Köln; Wien, 1975; Zimmermann R. *Das römisch-kanonische Ius commune als Grundlage europäischer Rechtseinheit. Juristenzeitung*. 1992. S. 8; Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в рамках ЕС и на постсоветском пространстве. М.: Статут, 2018. С. 82–88.

¹² Pütter J. S. *Auserlesene Rechts-Fälle aus allen Theilen der in Teutschland üblichen Rechtsgelehrsamkeit in Deductionen, rechtliche Bedenken, Relationen und Urtheilen, theils in der Göttingischen Juristen-Facultät theils in eigenem Namen ausgearbeitet*. Göttingen, 1777. Bd. II. 1.

¹³ Схожий вывод см.: Böhmern G. L. *Auserlesene Rechtsfälle aus allen Theilen der Rechts-*

руется на двух уровнях: международные соглашения (двух- и многосторонние) и национальные нормы о признании и приведение в исполнение иностранных судебных решений. При этом вне зависимости от уровня регулирования, а также наличия возможности изготовления внутригосударственных решений в форме электронного документа с электронной подписью судьи, к иностранным судебным решениям всегда предъявляется требование письменной формы с печатью суда и заверенный перевод. И если последнее требование выглядит вполне объяснимым, то допустимость исключительно письменной формы можно поставить под сомнение.

Представим себе следующую ситуацию. Между государствами допускается взаимное признание и приведение в исполнение судебных решений (на основании международного договора или в силу взаимности). В признающем государстве и государстве, в котором решение было принято, допускается изготовление решения в форме электронного документа с усиленной электронной подписью судьи. Отметим, что в некоторых правопорядках уже сегодня решения судов изготавливаются только в форме электронного документа, и только при отсутствии технической возможности допускается изготовление решения на бумажном носителе¹⁷.

Сторона, получившая решение в форме электронного документа и обратившаяся за получением экзекватуры в признающее государство (где, напомним, решения судов также изготавливаются в формате электронного документа), вынуждена получать еще решение на бумажном носителе только для целей экзекватуры. Действующие правила международного гражданского процесса (международные договоры и национальное регулирование) не позволяют суду признающего государства

применять те же требования (в правовом и техническом плане) к решениям иностранных государств. В результате «цифровая доступность» правосудия гарантируется не по всем категориям дел.

Разумным выходом из ситуации могло бы стать создание (например, на базе Гаагской конференции) онлайн реестра судебных решений в электронной форме, по которым сторона в будущем планирует исполнение за пределами территории его принятия. Заинтересованная сторона заявляет ходатайство в суд принятия решения о необходимости «выгрузки» решения в соответствующий сервис. Суд признаваемого государства при поступлении заявления о признании и приведении в исполнение решения, принятого в формате электронного документа, проверяет существование / вступление в силу с помощью сервиса¹⁸. Требования по переводу содержания при этом остаются неизменными (сам перевод может быть также представлен в форме электронного документа и заверен электронной подписью нотариуса). В целях обеспечения безопасности и достоверности, содержащейся в таком сервисе / реестре информации, последняя могла быть выполнена с помощью технологии распределенного реестра (блокчейн).

Некоторые выводы

Проиллюстрированные в рамках настоящей статьи отдельные примеры призваны показать скорее практическую составляющую заявленной темы. На современном этапе развития государства, «увлекшись» совершенствованием и развитием национальных правовых систем в области правосудия, стремясь повысить ее конкурентоспособность на мировом рынке («в погоне за *forum*'ом»), отодвинули вопросы цифрового трансграничного взаимодействия на второй план. Причин сложившейся ситуации найти особого труда не составляет. Во-первых, это имеющаяся «база конвенциональная регулирова-

¹⁷ Например, в силу ст. 169 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации решение выполняется в форме электронного документа. При отсутствии в арбитражном суде технической возможности для выполнения решения в форме электронного документа решение выполняется на бумажном носителе.

¹⁸ Разумеется, такая процедура возможна при наличии технической возможности суда, признающего государства.

ния», позволяющая обеспечить доступность в его классическом понимании образца XX в. Во-вторых, существующая разница в цифровизации правосудия между отдельными государствами, не позволяющая избрать подход, устраивающий всех.

Вместе с тем практические сложности реализации не должны ограни-

чивать процессуальную доктрину в ее поиске ответов на современные аспекты развития судопроизводства. В качестве универсального процессуального принципа, способного в научном плане обосновать необходимость трансграничного цифрового взаимодействия, мог бы выступить принцип доступности и эффективности правосудия.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство / К.Л. Брановицкий // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 24–27.
2. Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства / К.Л. Брановицкий // Закон. 2018. № 1. С. 59–70.
3. Брановицкий К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках ЕС и на постсоветском пространстве : сравнительно-правовой аспект / К.Л. Брановицкий. Москва : Статут, 2018. 397 с.
4. Незнамов А.В. «Цифровое просвещение», доступность правосудия и экономическая составляющая цифровизации гражданского судопроизводства / А.В. Незнамов // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9. С. 53–57.
5. Фокин Е.А. Доступность правосудия, качество закона и развитие арбитражного процессуального закона / Е.А. Фокин // Журнал российского права. 2018. № 12 (264). С. 120–129.
6. Ярков В.В. Электронное правосудие / В.В. Ярков // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41.

References

1. Böhmerm G.L. Auserlesene Rechtsfälle aus allen Theilen der Rechtsgelehrsamkeit / G.L. Böhmerm. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1777. Bd. 1, 2. 330 p.
2. Bülow F. von. Praktische Erörterungen aus allen Theilen der Rechtsgelehrsamkeit, hin und wieder mit Urteils-Sprüchen des Zelleschen Tribunals und der übrigen Justizhöfe bestärkt / F. von Bülow, T. Hagemann. Hannover : Hahn, 1804. Bd. 4. 517 p.
3. Fricke M. Die autonome Anerkennungszuständigkeitsregel im deutschen Recht des 19. Jahrhunderts : zugleich ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte von [Paragrafen] 328 Abs. 1 Nr. 1 ZPO / M. Fricke. Tübingen : Mohr Siebeck, 1992. 136 p.
4. Pütter J.S. Auserlesene Rechts-Fälle aus allen Theilen der in Teutschland üblichen Rechtsgelehrsamkeit in Deductionen, rechtliche Bedenken, Relationen und Urtheilen, theils in der Göttingischen Juristen-Facultät theils in eigenem Namen ausgearbeitet / J.S. Pütter. Göttingen : Vandenhoeck, 1777. Bd. 2. Th. 2. P. 277–552.
5. Schack H. Internationales Zivilverfahrensrecht / H. Schack. 4 Auflage. München : C.H. Beck, 2006. 444 p.
6. Schlosser P. Justizkonflikt zwischen den USA und Europa / P. Schlosser. Berlin ; New York. W. de Gruyter, 1985. 47 p.
7. Wolter U. Ius canonicum in jure civili. Studien zur Rechtsquellenlehre in der neueren Privatrechtsgeschichte (Forschungen zur neueren Privatrechtsgeschichte 23) / U. Wolter. Köln ; Wien : Bohlau Verlag, 1975. 225 p.
8. Zimmermann R. Das römisch-kanonische Ius commune als Grundlage europäischer Rechtseinheit / R. Zimmermann // Juristenzeitung. 1992. Vol. 47. P. 8–20.

Кайзер Юлия Валерьевна,

доцент кафедры гражданского
и арбитражного процесса
Омского государственного
университета
имени Ф.М. Достоевского (ОмГУ),
кандидат юридических наук,
доцент
kaijuly@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-45-48

Частичная отмена судебного акта в порядке пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе

В статье автором в результате проведенного исследования предлагается установить на законодательном уровне право суда отменять в порядке пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебный акт только в той части, в какой это затрагивает выводы суда, сделанные при первоначальном рассмотрении дела. Автор отмечает, что полный пересмотр по вновь открывшемуся или новому обстоятельству судебного акта, вынесенного по результатам разрешения спора, предметом которого выступили несколько самостоятельных требований, нарушает цели и задачи гражданского судопроизводства, принцип стабильности судебного решения, вступившего в законную силу, влечет отступление от принципа правовой определенности, способствует злоупотреблению процессуальными правами со стороны лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: гражданский процесс, отмена судебного акта, пересмотр судебных постановлений, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства.

Порядок пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе регламентирован главой 42 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)¹.

Как обоснованно отмечает Г.А. Жилин, сущность института пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам свидетельствует о том, что он в значительной степени стал представлять собой способ устранения ошибки тем судом, который и допустил ее в результате неправильного применения норм права².

Анализируя основания для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам и основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в судах вышестоящих инстанций, Л.А. Терехова отмечает неэффективность исследуемого института по причине использования заинтересован-

ным лицом данной категории после отказа в удовлетворении соответствующих кассационных и надзорных жалоб³ и предлагает его упразднить⁴.

Пересмотру дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, то есть, как указывает Н.Ю. Забрамная⁵, рассмотрению заново, предшествует процедура отмены судебного постановления. И такой пересмотр осуществляется судом, принявшим судебное постановление, который призван установить наличие или отсутствие обстоятельств, с которыми закон связывает возможность такого пересмотра.

В связи с этим в предмет доказывания при рассмотрении заявления о пересмотре по вновь открывшимся или новым

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Жилин Г.А. К вопросу о правовой природе пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам // Закон. 2014. № 7. С. 104–114.

³ Терехова Л.А. Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования. М.: ВолтерсКлувер, 2009. С. 137.

⁴ Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2007. С. 300.

⁵ Забрамная Н.Ю. О месте производства по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в структуре Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельствам будут входить следующие обстоятельства:

1) вступление в законную силу судебного постановления;

2) наличие вновь открывшихся или новых обстоятельств, перечисленных в частях 3 и 4 ст. 392 ГПК РФ;

3) существенное значение вновь открывшихся или новых обстоятельств для правильного разрешения дела;

4) соблюдение установленного ст. 394 ГПК РФ срока подачи заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся или новым обстоятельствам⁶.

Эти обстоятельства носят общий характер и подлежат установлению при рассмотрении искового заявления.

Наряду с ними можно выделить группу специальных обстоятельств, выяснение которых зависит от основания пересмотра. В частности, наличие вступившего в законную силу судебного акта, в резолютивной и (или) мотивировочной части которого сделан вывод о признании недействительной оспоримой или ничтожной сделки либо о применении последствий недействительности ничтожной сделки⁷. Наряду с этими фактами суду следует установить, повлияло ли признание судом сделки недействительной на принятие незаконного или необоснованного судебного постановления по данному делу.

В соответствии с ч. 1 ст. 397 ГПК РФ суд, рассмотрев заявление, представление о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, удовлетворяет заявление и отменяет судебные постановления или отказывает в их пересмотре.

Таким образом, законодатель предусматривает, что по результатам рассмотрения заявления заинтересованного лица

при наличии соответствующих обстоятельств суд отменяет ранее вынесенное по делу судебное постановление, то есть происходит отмена судебного акта полностью.

В кодексе отсутствует прямое указание на возможность отмены судебного постановления в части, что приводит к необоснованной отмене судебного акта в целом, притом что вновь открывшееся или новое обстоятельство не касается судебного постановления в целом и влияет лишь на выводы суда применительно к одному из нескольких способов защиты нарушенного права первоначально разрешенного спора.

Такая ситуация может возникнуть при соединении исков, когда суд рассматривает несколько исковых требований о защите разных по характеру материальных прав, имеющих разные основания, и удовлетворение судом одного из требований не служит основанием для удовлетворения другого требования⁸. Когда же объединенные в одном исковом заявлении требования взаимосвязаны, основаны на одних и тех же обстоятельствах, предполагается отмена судебного акта полностью в результате пересмотра акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Отсутствие законодательного регулирования данного вопроса на практике будет вызывать у судов сомнения в правильности подхода о возможности отмены судебного акта в части.

В то же время в порядке апелляционного, кассационного и надзорного производства возможна частичная отмена судебного постановления (п. 2 и п. 3 ст. 328, п. 2 и п. 3 ч. 1 ст. 390, п. 2 и п. 3 ч. 1 ст. 390.15, п. 2 и п. 3 ч. 1 ст. 391.12 ГПК РФ). И если проводить аналогию с апелляционным, кассационным и надзорным обжалованием, то и в порядке пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам должна допускаться частичная отмена судебного акта.

Основанием для формирования указанной позиции послужило то, что полный пересмотр по вновь открывшемуся

⁶ Чекмарева А.В. Определение предмета доказывания при подготовке заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Центрального районного суда г. Омска от 8 июля 2019 г. по делу № 2-4011/2017 // Архив Центрального районного суда г. Омска; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 23 октября 2019 г. по делу № 33-6919/2019 // Архив Омского областного суда.

или новому обстоятельству судебного акта, вынесенного по результатам разрешения спора, предметом которого выступили несколько самостоятельных требований, нарушает цели и задачи гражданского судопроизводства.

В соответствии со ст. 2 ГПК РФ одной из задач гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, а целью — защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и прочих лиц.

Истец вправе в самостоятельном порядке объединить в исковом заявлении несколько не связанных между собой исковых требований, и это обстоятельство не является основанием для отказа в принятии иска или основанием для возвращения заявления.

Кроме того, согласно п. 4 ст. 151 ГПК РФ судья, установив, что в производстве данного суда имеется несколько однородных дел, в которых участвуют одни и те же стороны, либо несколько дел по искам одного истца к различным ответчикам или различных истцов к одному ответчику, с учетом мнения сторон вправе объединить эти дела в одно производство для совместного рассмотрения и разрешения, если признает, что такое объединение будет способствовать правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела.

Тем самым процессуальный закон допускает несколько случаев, когда суд может по собственной инициативе объединить в одно производство несколько дел, независимо от мнения лиц, участвующих в деле. При этом стороны лишены возможности обжаловать определение об объединении дел в одно производство исходя из ст. 331 ГПК РФ.

Таким образом, участники спора никак не могут повлиять на решение суда объединить в одно производство несколько самостоятельных гражданских дел, как и не могут повлиять на истца, объединившего изначально в одном исковом заявлении иски, имеющие разные основания и не влияющие на исход разрешения каждого из них.

Когда суд при наличии вновь открывшегося обстоятельства, затрагивающего только одно из исковых требований, вынужден отменять полностью судебный

акт, это приводит к нарушению прав истца, получившего судебную защиту по требованию, которого вновь открывшееся или новое обстоятельство «не касается». Это будет приводить к отмене законного и обоснованного судебного акта в отсутствие законных оснований и, соответственно, к утрате законной силы постановления в целом. В результате истец неправомерно теряет полученную ранее судебную защиту, причем на неопределенный срок, а также возможность принудительного исполнения судебного акта в части требования, которое установленное обстоятельство не затрагивает.

Происходит нарушение принципа стабильности судебного решения, вступившего в законную силу, отступление от принципа правовой определенности, а это влечет существенное изменение правового положения сторон, отраженного в таком решении, в том числе в сторону его ухудшения.

Институт пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам должен процессуально гарантировать защиту прав и законных интересов лиц, участвующих в деле, не допускать необоснованной отмены вступившего в законную силу судебного акта в той части, которую выявленное судом вновь открывшееся или новое обстоятельство не касается.

Более того, полная отмена судебного акта в рассматриваемой ситуации ведет к повторной работе суда по тем требованиям и обстоятельствам, на которые вновь открывшееся или новое обстоятельство не влияет, как и на выводы суда в этой части, сделанные при первоначальном рассмотрении спора. А это, в свою очередь, не будет способствовать своевременному рассмотрению дела и восстановлению нарушенного права истца.

Такая ситуация будет влиять на появление злоупотреблений процессуальными правами со стороны лиц, участвующих в деле, когда под видом пересмотра применительно к одному из заявленных исковых требований сторона спора будет добиваться пересмотра выводов суда по всей совокупности требований с реализацией права на предоставление при новом рассмотрении дополнительных доказательств, которым суд обязан будет дать соответствующую оценку и которые могут повлиять на первоначальные выводы.

Истец вынужден повторно добиваться правосудия по уже рассмотренному иску, в отношении которого нет оснований для пересмотра его по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Сама процедура пересмотра вступившего в законную силу судебного акта должна применяться только в том случае, когда права заявителей действительно нарушаются этим судебным актом в соответствующей части и нет иной возможности восстановления их нарушенных прав. И хотя институт пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам не связан с проверкой законности и обоснованности судебных актов⁹, он в любом случае должен способствовать сохранению определенности в материальных правоотношениях сторон спора, установленной судебным актом в той части, которую не затрагивает вновь открывшееся или новое обстоятельство.

Для достижения этого в ГПК РФ необходимо прямо предусмотреть возможность и условия для суда отменить судебный акт в силу вновь открывшихся или новых обстоятельств только в части.

⁹ См.: Петрова И.А. Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском и арбитражном процессах: сравнительно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 114; Петручак Р.К. Эволюция оснований для пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам // СПС «КонсультантПлюс».

Но при таком подходе сразу возникает обоснованный вопрос о процессуальных последствиях реализации судом полномочия по частичной отмене судебного постановления в ходе пересмотра дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Отмененное в части постановление повлечет разрешение заново требований по существу. Но как быть с определением момента вступления в законную силу судебного акта, который был отменен в части? Законодательная конструкция не позволяет в настоящее время признать судебное постановление частично вступившим в законную силу в отсутствие судебного постановления суда вышестоящей инстанции, который воспользовался правом на частичную отмену акта нижестоящего суда. Введение же частичной отмены судебного акта в результате пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, по нашему мнению, должно влечь вступление в законную силу судебного акта в неотмененной части с возможностью выдачи исполнительного листа на его принудительное исполнение.

Таким образом, считаем необходимым закрепить на законодательном уровне право суда отменить в порядке пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебное постановление в части. Это принципиальный вопрос, который требует своего разрешения в ГПК РФ.

Литература

1. Жилин Г.А. К вопросу о правовой природе пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам / Г.А. Жилин // Закон. 2014. № 7. С. 104–114.
2. Забрамная Н.Ю. О месте производства по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в структуре Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Н.Ю. Забрамная // Адвокат. 2017. № 1. С. 42–44.
3. Петрова И.А. Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в гражданском и арбитражном процессах: сравнительно-правовой аспект: диссертация кандидата юридических наук / И.А. Петрова. Москва, 2010. 186 с.
4. Петручак Р.К. Эволюция оснований для пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам / Р.К. Петручак // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 1. С. 38–43.
5. Терехова Л.А. Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования / Л.А. Терехова. Москва: ВолтерсКлувер, 2009. 184 с.
6. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты / Л.А. Терехова. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 320 с.
7. Чекмарева А.В. Определение предмета доказывания при подготовке заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам / А.В. Чекмарева // Современное право. 2015. № 8. С. 85–88.

**Чуприков
Михаил Владимирович,**
юрисконсульт Волгоградской коллегии
адвокатов «Мейер и партнеры»
m.chuprikov2012@gmail.com

**Николаева
Алина Альбертовна,**
магистрант Волжского филиала
Волгоградского государственного
университета
an_21@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-49-54

Проблемные вопросы правовой квалификации отношений, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы, возникающие при разрешении споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о признании должника банкротом.

Ответчик может быть освобожден от ответственности при наличии у органов управления организацией экономически обоснованного плана по преодолению финансовых затруднений, с которыми столкнулась компания. Однако в действующем законодательстве отсутствует как само понятие «антикризисный план», так и обязательные положения, которые должны содержаться в таком документе. Кроме того, в новой редакции закона о банкротстве и разъяснениях высшей судебной инстанции содержатся критерии оценки поведения привлекаемого к ответственности лица, которые являются не только правовыми, но и относятся к смежным относительно права областям. В связи с этим имеются риски неправильной квалификации спорных отношений.

Авторы считают необходимым внесение изменений в действующее законодательство, а также делятся своими предложениями, направленными на разрешение обозначенных проблем.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, неподача заявления о банкротстве, доказывание, арбитражные заседатели, антикризисный план.

Вероятность погашения требований кредитора в ходе проведения процедуры несостоятельности (банкротства) организации продолжает оставаться на крайне низком уровне. По результатам процедур конкурсного производства кредиторы остаются ни с чем в 68% дел. Доля погашенных требований кредиторов от общей суммы заявленных требований составляет 4,7%. По данным инвентаризаций, перед процедурой банкротства имущество отсутствует у 37% должников.

При этом также сохраняется ликвидационная направленность банкротного процесса: реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление и внешнее управление) вводятся лишь в 1% случаев¹.

Экстраординарным способом удовлетворения требований кредиторов является механизм привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам организации.

Сущность данного института заключается в возможности преодолеть принцип самостоятельной ответственности компании по своим долгам и в случае выявления неправомерных действий лиц, определявших волю должника в предбанкротный период, взыскать с последних задолженность.

В 2017 г. произошли масштабные изменения правового регулирования указанного механизма. По прошествии более двух лет действия новой главы III.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее — Закон о банкротстве), а также постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53³ можно отметить

² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3. С. 7–23.

¹ Банкротства компаний — статистика Федресурса за 2019 год // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d941da> (дата обращения: 21.02.2020).

тенденцию к резкому увеличению количества поданных и удовлетворенных заявлений о привлечении контролирующих должников лиц к гражданско-правовой ответственности при общем сокращении количества дел о банкротстве⁴.

Заявления о привлечении к субсидиарной ответственности удовлетворяются в 54% случаев⁵. Самым крупным взысканием на начало 2020 г. является денежная сумма в размере 41,5 миллиарда рублей⁶.

Одним из оснований привлечения к субсидиарной ответственности является неподача (несвоевременная подача) заявления о признании организации банкротом (ст. 61.12 Закона о банкротстве). Его сущность зиждется на необходимости соответствия поведения участников гражданского оборота принципу добросовестности. Уполномоченное лицо (в большинстве случаев руководитель) обязано публично объявить о неплатежеспособности организации, чтобы участники оборота (прежде всего действующие и потенциальные контрагенты) могли учитывать данную информацию при осуществлении хозяйственной деятельности. Если фактическая несостоятельность организации будет сокрыта, то контролирующие лица берут на себя риск несения ответственности по обязательствам, возникшим с момента истечения сроков на подачу заявления должника о собственном банкротстве до фактического возбуждения соответствующего дела.

По статистике, дела о банкротстве возбуждаются по инициативе самих должников-организаций только в 8,7% случаев⁷.

Логика законодателя и высшей судебной инстанции по рассматриваемому основанию привлечения к ответственности такова: если организация находится в одной из ситуаций, предусмотренных пунктом 1 ст. 9 Закона о банкротстве, то ее руководитель обязан обратиться в суд с заявлением должника. Однако если у органов управления организацией есть экономически обоснованный план по преодолению финансовых затруднений, которому следовал бы средний предприниматель в аналогичной ситуации, то ответчик не подлежит привлечению к ответственности до тех пор, пока такой план предполагает достижение указанной цели.

Таким образом, для правильного разрешения спора должны быть установлены следующие обстоятельства предбанкротной деятельности должника:

1. Находился ли должник в состоянии объективного банкротства в момент, когда, по мнению заявителя требования о привлечении к субсидиарной ответственности, должно быть подано заявление о признании должника банкротом?

2. Можно ли считать меры по предотвращению банкротства, принимаемые контролирующими должника лицами, эффективными, обоснованными и достаточными для преодоления кризисной ситуации?

3. Как поступил бы на месте ответчика обычный руководитель, находясь в схожей ситуации (с учетом фактического финансового состояния должника, масштабов его деятельности, конкретных предпринимаемых и планируемых мер по преодолению кризиса)?

Таким образом, суд при правовой квалификации спорных отношений, должен дать оценку экономической обоснованности антикризисного плана, а также оценить поведение менеджера относительно таких субъективных критериев, как осознанность критичности финансового положения подконтрольной организации и поведение среднего руководителя в аналогичных условиях.

Формулировки, содержащиеся в нормах об основаниях и порядке привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за несвоевременное инициирование дела о банкротстве, содержат термины, относящиеся к смежным относительно права областям: «стандартная управленческая практика»,

⁴ Число удовлетворенных заявлений о привлечении к ответственности лиц, контролирующих компании-банкроты, в I кв. 2019 г. выросло в 1,5 раза, интенсивность банкротств снизилась на 7,5% // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/49c41551-a149-431a-8fb4-6c584b28f9b7> (дата обращения: 21.02.2020).

⁵ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за I полугодие 2019 года. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdcrp.ru/index.php?id=79&item=5082> (дата обращения: 21.02.2020).

⁶ Новый рекорд субсидиарной ответственности бенефициаров компаний — 41,5 млрд рублей в одном деле // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/c1a93398-a140-4b32-8a1f-4c22c9f7e481> (дата обращения: 21.02.2020).

⁷ Банкротства компаний — статистика Федресурса за 2019 год // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d941da> (дата обращения: 21.02.2020).

«масштаб деятельности должника», «объективное банкротство», «экономически обоснованный план», «разумность с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах» и иные.

В настоящее время в законодательстве отсутствуют понятия «антикризисный план», «экономически обоснованный план» или сходные к ним категории; не регламентировано, какие конкретно положения должны содержаться в таком плане, кем должен быть согласован и утвержден план, имеется ли необходимость иметь конкретный документ, именуемый планом и содержащий комплекс (перечень) действий, или достаточно подтвердить намерение их совершить.

По статистике абсолютное большинство судей до своего назначения имели опыт работы в аппарате суда или иных государственных органах и только около десяти процентов — в коммерческих организациях^{8, 9}.

В связи с этим ключевую проблему по рассматриваемой категории споров можно сформулировать следующим образом: как судье, не имеющему опыта управления коммерческой организацией, самостоятельно, с учетом масштабов и специфики деятельности должника, а также взгляда среднего предпринимателя постфактум оценить поведение ответчика и представленный им антикризисный план в отсутствие детальных нормативно закреплённых критериев и нередко в отсутствие конкретного единого документа под названием «план»?

Учитывая изложенное, требуется нормативное закрепление критериев экономически обоснованного плана по преодолению организацией финансовых затруднений.

Принимая во внимание имеющиеся критерии, представляется, что антикризисный план должен содержать в себе полную и достоверную информацию о

действительном финансовом состоянии должника (сведения о реальной стоимости активов, кредиторах, сроке исполнения обязательств перед ними, конкретных мерах по преодолению кризиса, сроке реализации плана и иные имеющие значение сведения). По своей сути, антикризисный план должен представлять собой синтез анализа финансового состояния должника и плана финансового оздоровления или внешнего управления (ст. 70, 84 и 106 Закона о банкротстве).

Порядок составления и утверждения антикризисного плана может быть определен в уставе. Поскольку текущая деятельность организации находится в ведении ее единоличного исполнительного органа, проект антикризисного плана должен составить именно руководитель как лицо, обязанное обладать полной информацией о фактическом финансовом состоянии компании. Затем документ представляется органу, определяющему основные направления деятельности, — совету директоров (наблюдательному совету), при наличии такового. Последней стадией на внутреннем уровне самой организации должна стать утверждение плана общим собранием участников (акционеров).

Исходя из цели своевременной подачи заявления должника о собственном банкротстве (информирование о сложной финансовой ситуации), с антикризисным планом должны быть, по крайней мере, ознакомлены действующие и потенциальные кредиторы. Реализовать это можно с помощью размещения соответствующей информации на портале «Федресурс», с учетом соблюдения правила о неразглашении конфиденциальной информации. Такой порядок соответствует положениям статьи 30 Закона о банкротстве.

Указанные выше положения об антикризисном плане актуальны прежде всего в ситуации, когда дело о банкротстве не возбуждено и вопрос правомерности действий контролирующих лиц не является предметом судебного разбирательства.

При рассмотрении спора о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности возникает необходимость постфактум оценить поведение ответчика-предпринимателя в предбанкротный период. Аналогичный вопрос приходится разрешать и в спорах о возмещения убытков лицами, входящими

⁸ Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. Российские судьи как профессиональная группа : социологическое исследование / под ред. В. Волкова. СПб. : Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 16.

⁹ Госкорпорация «Правосудие». Часть вторая. Исследование о том, кто в России судьи // Проект медиа. URL: <https://www.proekt.media/research/nezavisimost-sudey/> (дата обращения: 21.02.2020).

в состав органов юридического лица. Согласно Постановлению Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62¹⁰, оценка поведения менеджера должна производиться через призму двух критериев: добросовестности и разумности. При этом подтверждением соответствия поведения менеджера указанным критериям является в том числе совершение действий в пределах обычного предпринимательского риска. Данные положения впоследствии закреплены в законодательстве (ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации¹¹).

В корпоративном праве существует правило «бизнес-решения» (business judgement). Его суть заключается в том, что суды не должны давать оценку коммерческой целесообразности тех или иных трансакций, совершенных менеджером. Данное правило защищает предпринимателей от необоснованного вмешательства судов в переоценку рискованности тех или иных решений, а суды — от выполнения несвойственной им функции по высказыванию суждений сугубо коммерческого свойства¹².

Найти баланс между правилом о защите делового решения и выявлением недобросовестных и (или) неразумных действий — довольно непростая задача и для сторон спора, и для суда.

Одним из средств получения доказательственной базы является судебная экспертиза. Применительно к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по рассматриваемой в настоящей статье категории споров, специальные познания эксперта в рамках финансово-экономического и (или) бухгалтерского исследования помогут сопоставить реальную стоимость активов должника с совокупным размером его обязательств (определить находде-

ние должника в состоянии объективного банкротства), исследовать указанный показатель в динамике, рассчитать экономический эффект от конкретного мероприятия, предприняемого менеджером для преодоления кризисной ситуации.

Однако даже опытный и квалифицированный эксперт, рассчитав необходимые коэффициенты, не может оценить «нормальность» риска, на который пошел руководитель в конкретной ситуации, реализуя антикризисный план, и сопоставить его с поведением среднего предпринимателя.

Считаем, что в подтверждение позиции о разумности действий менеджера в конкретной ситуации (так же как и в опровержение такой позиции), с учетом закрепленных критериев оценки поведения привлекаемого к ответственности контролирующего должника лица необходимо мнение авторитетных представителей бизнес-сообщества.

В этой связи интересен опыт Франции, где Коммерческим кодексом страны предусмотрен специальный порядок разрешения предпринимательских споров: дела по первой инстанции рассматривают не профессиональные судьи, а предприниматели — члены торгово-промышленной палаты, избранные на определенный срок для осуществления правосудия. Избираемые судьи наиболее компетентны в вопросах, связанных с управлением предприятиями, принятием оптимальных решений выхода предприятий из кризиса и решением текущих вопросов. Принцип коллегиальности принятия решений, а также угроза лишения статуса в случае выявления дисциплинарных проступков обеспечивают гарантию независимости таких судей¹³.

Участие представителей предпринимательского сообщества было предусмотрено и в дореволюционной России. Купцы первой гильдии на условиях выборности участвовали в отправлении

¹⁰ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. 30 августа. URL: <https://www.eg-online.ru/document/adjudication/220707/> (дата обращения: 21.02.2020).

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹² Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. С. 17.

¹³ Вопросы компетенции и организации суда, статуса судей, порядка их выбора и лишения статуса предусмотрены в части II книги VII Коммерческого кодекса Франции. Code de commerce // Le service public de la diffusion du droit Legifrance.gouv.fr. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000005634379&dateTexte=vig> (дата обращения: 21.02.2020).

правосудия в коммерческих судах, существовавших в Российской империи в XIX — начале XX века¹⁴. Среди категорий дел, подсудных коммерческому суду, значились в том числе все дела о торговой несостоятельности (п. 2 ст. 40 Устава судопроизводства торгового¹⁵).

В современной отечественной правовой системе стороны спора в случаях необходимости использования специальных познаний в сфере экономики, финансов, управления и (или) в связи с особой сложностью дела имеют право заявить ходатайство о привлечении к осуществлению правосудия арбитражных заседателей. Процессуальный статус арбитражных заседателей при рассмотрении дела приравнен к статусу судей. Однако с 2010 г. действует запрет на возможность участия арбитражных заседателей при рассмотрении дел о банкротстве. Сам институт переживает сейчас не лучшие времена: фактически, вопреки требованиям законодательства, на интернет-сайтах арбитражных судов отсутствуют даже списки арбитражных заседателей, из числа которых может быть сформирован состав суда для разрешения спора.

Считаем, что пришло время переоценить взгляды на институт арбитражных заседателей, учесть предыдущий опыт и предусмотреть реальную возможность привлечения лиц, обладающих специальными познаниями, к разрешению споров, в которых необходимо оценить оправданность (разумность) предпринимательского риска в конкретной ситуации. Схожая идея высказывается некоторыми представителями юридического сообщества¹⁶.

Однако обозначенная в настоящей статье проблема предполагает комплексный подход: необходимо, помимо участия предпринимателей «на стороне суда», обеспечить конкуренцию мнений относительно ситуации, с которой столкнулся должник. Данная цель может быть достиг-

нута с помощью так называемых *amicus curiae* («друзей суда») — лиц, не участвующих в деле, но оказывающих содействие суду, предоставляя информацию, которая имеет отношение к делу. В качестве таких лиц могут быть представители различных ассоциаций, объединений, негосударственных организаций, не имеющие личной заинтересованности к сторонам спора и осуществляющие деятельность в той же сфере, что и должник.

Если должник занимался деятельностью, предполагающей саморегулирование (например, в сфере строительства, финансовых услуг и проч.), соответствующая организация может выдать заключение со своим взглядом относительно предпринятых мер по предотвращению кризиса и «нормальности» риска, на который пошел менеджер.

Одной из организаций, главной миссией которой является защита и развитие предпринимательства, является Торгово-промышленная палата. ТПП России выступает за развитие реабилитационных процедур банкротства, взаимодействие между должником и его кредиторами, а также сохранение за органами управления должником своего статуса в целях предоставления им возможности реализовать «план спасения» организации. Торгово-промышленная палата также выражает обеспокоенность относительно возможности арбитражного суда и конкретного судьи оценить представленные должником, кредиторами и иными лицами документы, обосновывающие разумность и обоснованность тех или иных бизнес-решений. В качестве выхода из данной ситуации предлагается создание специализированной системы «банкротных» арбитражных судов и повышение экономической грамотности судейского состава¹⁷.

Пока перспектива создания системы судов, которые будут заниматься исключительно вопросами банкротства, более чем туманна, считаем, что органы

¹⁴ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 т. Том IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Юрайт, 2016. С. 15–16.

¹⁵ Нюренберг А.М. Устав судопроизводства торгового. М.: [б.и.], 1913. С. 11.

¹⁶ Крупский А.К., Кононов Д.А. «А судьи кто?», или Как помочь судье при рассмотрении дел о привлечении к субсидиарной ответственности? // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 8. С. 63.

¹⁷ Концепция ТПП России по совершенствованию законодательства Российской Федерации на период до 2021 года // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://tpprf.ru/common/upload/law/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%202021.pdf> (дата обращения: 21.02.2020).

Торгово-промышленной палаты могут содействовать в разрешении поставленной в настоящей статье проблемы путем предоставления заключений относительно ситуации, в которой оказался должник в предбанкротный период, и действий его органов управления.

«Помощниками» сторон и суда в разрешении споров, связанных с оценкой поведения менеджеров могут стать Российский союз промышленников и предпринимателей, общероссийская общественная организация «Деловая Россия» и иные организации, целью и функцией которых являются защита и развитие бизнеса, а также деятельность которых основана на членстве действующих участников бизнес-сообщества.

Очевидно, что новые положения законодательства о банкротстве и разъяснения высшей судебной инстанции, касающиеся оснований и порядка привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, повышают стандарты ведения предпринимательской деятельности. Недобросовестным лицам становится сложнее организовать бизнес «за десять тысяч рублей» уставного капитала, создать видимость организации как полноценного участника оборота, набрать кредитов (прямые займы, не исполненные обязательства и проч.) и оставить контрагентов ни с чем.

Нововведения, помимо требований для бизнес-сообщества, предполагают более внимательное и глубокое погружение

судьи в существо рассматриваемого спора, в детали управленческой и экономической политики, которую вели контролирующие должника лица в предбанкротный период. В существующих условиях загруженности судов и квалификации судей представляется, что обозначенная проблема способна привести к негативным последствиям в виде незаконных и необоснованных судебных решений.

Предложенные поправки в законодательство (создание реальной возможности привлечь к рассмотрению спора арбитражных заседателей, а также закрепление понятия и критериев «антикризисного бизнес-плана») и инструменты для действующих и потенциальных сторон спора (документирование руководителем должника экономически обоснованного антикризисного плана, согласование его с иными контролирующими лицами и кредиторами; получение заключений у авторитетных специализированных объединений той сферы, в которой осуществлял деятельность должник), позволят правильно разрешить спор о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, обеспечат плюрализм и конкуренцию мнений относительно кризисной ситуации, в которой находился должник. Изменения будут способствовать повышению интереса должников, кредиторов и государства к непопулярным в настоящее время реабилитационным процедурам и улучшению деловых связей между представителями бизнес-сообщества.

Литература

1. Волков В.В. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / В.В. Волков, А.В. Дмитриева, М.Л. Поздняков, К.Д. Титаев ; под редакцией В. Волкова. Санкт-Петербург : ИПП ЕУСПб, 2012. 60 с.
2. Крупский А.К. «А судьи кто?», или Как помочь судье при рассмотрении дел о привлечении к субсидиарной ответственности? / А.К. Крупский, Д.А. Кононов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 8. С. 55–66.
3. Нюренберг А.М. Устав судопроизводства торгового / А.М. Нюренберг. Москва : Правоведение, 1913. 480 с.
4. Степанов Д.И. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. Москва : Статут, 2018. 207 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 томах. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Юрайт, 2016. 510 с.

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-55-60

Долова
Мария Олеговна*,
Синицын
Сергей Андреевич**

Пределы проверки решения третейского суда на предмет его противоречия публичному порядку Российской Федерации

В статье исследуются пределы проверки решения третейского суда государственным судом на предмет его противоречия российскому публичному порядку. Авторами обосновывается, что отмена арбитражного решения ввиду его противоречия публичному порядку не может быть обусловлена нарушением законности и обоснованности арбитражного решения, требуется установление факта нарушения фундаментальных принципов права, которое привело к фактическому лишению стороны спора гарантированного Конституцией Российской Федерации права на судебную защиту его прав и свобод. При этом такое нарушение должно неизбежно включать в себя обоснование конкретных существенных ущемлений процессуальных прав стороны спора, которые привели к отсутствию фактической возможности принимать участие в судебных заседаниях третейского суда, отстаивать свою позицию и излагать возражения, представлять доказательства для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. В противном случае разница между апелляционной проверкой судебного решения и осуществлением в установленном порядке функции контроля в отношении арбитражных решений стирается.

Ключевые слова: публичный порядок, отмена решения третейского суда, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Конституция Российской Федерации, гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). К числу таких общепризнанных в современном обществе способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обуславливаются диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений, относится обращение в третейский суд — международный коммерческий арбитраж или внутренний третейский суд (постоян-

но действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретных споров — *ad hoc*).

Третейские суды, по смыслу статей 10, 11 (ч. 1), 118 (ч. 1) и 124–128 Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», не осуществляют государственную (судебную) власть и не входят в судебную систему Российской Федерации, состоящую из государственных судов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П и от 18 ноября 2014 г. № 30-П). Российское законодательство устанавливает специальные требования к созданию и деятельности арбитражей, решение третейского суда

* Долова Мария Олеговна, старший научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, dolovamaria@mail.ru
Синицын Сергей Андреевич, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, civil@izak.ru

(арбитража) является обязательным для сторон, заключивших арбитражное соглашение, согласившихся и не оспоривших его компетенцию в установленном порядке.

В то же время нормативно предусмотрены требования для приведения решений третейских судов к принудительному исполнению, а также основания их отмены государственным судом, что определяет предусмотренные законом полномочия судебного контроля в отношении третейских судов¹. Актуален вопрос о целях и пределах судебного контроля над третейским разбирательством и решениями, поскольку определенность и стабильность подходов законодательства, а не казуистичность отдельных актов правоприменения является существенной гарантией не только частных интересов тяжущихся сторон, но и показателем зрелости юрисдикции, последовательно продвигающей ценности открытого гражданского общества и справедливого правосудия, в которой не только декларативно гарантировано, но и реально обеспечено право на судебную защиту по экономическим спорам.

Предоставление заинтересованным лицам права по своему усмотрению обратиться за разрешением спора в государственный суд (суд общей юрисдикции, арбитражный суд) в соответствии с его компетенцией, установленной законом, или избрать альтернативную форму защиты своих прав и обратиться в третейский суд — в контексте гарантий, закрепленных статьями 45 (ч. 2) и 46 Конституции Российской Федерации, расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота. Стороны спора, заключая соглашение о его передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда. Само по себе заключение арбитражного соглашения при условии его добровольности является достаточным показателем

осознанного выбора сторонами альтернативного порядка рассмотрения спора по правилам арбитража, а не государственного суда.

Решение арбитража может быть отменено государственным судом по основаниям, предусмотренным международным договором Российской Федерации и частью 2 ст. 34 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее — Закон о международном коммерческом арбитраже). Установленный действующим законодательством перечень оснований для отмены решений третейских судов носит закрытый и исчерпывающий характер, а их содержание и условия применения находят конкретизацию в международных документах и судебной практике.

Основания для отмены решений третейских судов делятся на две группы — доказываемые стороной, обратившейся с заявлением об отмене решения, и устанавливаемые государственным судом *ex officio*.

К основаниям для отмены арбитражного решения, устанавливаемым государственным судом *ex officio*, согласно абзацу третьему подпункта 2 пункта 2 статьи 34 Закона о международном коммерческом арбитраже, относится противоречие арбитражного решения публичному порядку Российской Федерации. Такое же основание предусмотрено Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ) и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее — АПК РФ) для отмены решения третейского суда или отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (п. 2 ч. 4 ст. 421, п. 2 ч. 4 ст. 426 ГПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 233, п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ).

Российский закон полностью воспринял формулировку Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г., далее — Нью-Йоркская конвенция) и

¹ Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушникова. М., 2018. С. 820.

Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г.: «Арбитражное решение противоречит публичному порядку данного государства».

Вместе с тем содержание и условия применения оговорки о публичном порядке не раскрываются в легальных дефинициях в источниках международного либо национального права. Сам же институт публичного порядка традиционно рассматривался в материальном, коллизионном и процессуальном аспектах. При этом характерно, что понимание и квалификация публичного порядка не была единообразна вследствие хаотичности избираемых ситуативных подходов к его применению и интерпретации и отсутствия на этот счет четких указаний закона².

Понятие публичного порядка для целей отмены третейского решения. Мировая практика применения такого основания, как противоречие публичному порядку, свидетельствует об ограниченном подходе к его использованию, что находит отражение в Обзоре судебной практики 2012 г. по применению Типового закона ЮНСИТРАЛ:

«оговорка о публичном порядке может применяться лишь в случае, если арбитражное решение кардинальным образом нарушает основополагающие и прямо выраженные принципы правосудия и справедливости в государстве и свидетельствует о вопиющем невежестве или коррупции со стороны суда»;

«решение суда должно либо противоречить основам нравственности рассматриваемого государства, либо содержать ошибки, затрагивающие основные принципы общественной и экономической жизни»;

«не всякое нарушение императивного права равносильно нарушению государственной политики»;

«сам факт нарушения арбитражным решением определенных законов или правил государства, осуществляющего принудительное исполнение, не является достаточным для того, чтобы представ-

лять собой нарушение публичного порядка»; и др.³

Поскольку российское законодательство о международном коммерческом арбитраже построено на базе Типового закона ЮНСИТРАЛ и расхождения формулировок минимальны, очевидна обязательность унифицированного подхода к применению российского законодательства и положений Типового закона ЮНСИТРАЛ.

По российскому праву несоответствие публичному порядку является основанием отмены как решений, вынесенных иностранными судами и арбитражами с применением иностранного права к правоотношениям участников спора, так и российских арбитражей, применивших к правоотношениям спорящих сторон нормы российского права⁴. Очевидно, что для этих двух случаев значение публичного порядка проявляет себя различно⁵. В правовых порядках многих стран (например, США, Франции) такое различие установлено на законодательном уровне: отдельно выделяются категории международного и национального публичного порядка. При этом с целью наибольшего благоприятствования исполнению иностранных арбитражных решений международный публичный порядок понимается гораздо более узко, чем национальный режим⁶.

В условиях сложившегося регулирования целесообразно разделять случаи применения оговорки о публичном порядке к решениям иностранных и российских арбитражей.

При разрешении вопроса об оспаривании или приведении в исполнение решения иностранного арбитража

³ UNCITRAL 2012 Digest of Case Law on the Model Law on International Commercial Arbitration (1985, with amendments as adopted in 2006). №. 52. P. 183–184.

⁴ Здесь и далее имеются в виду решения российских арбитражей, не осложненные иностранным элементом.

⁵ Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб., 2006. С. 119.

⁶ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. СПС «Гарант».

² См.: Брун М. Публичный порядок в международном частном праве. Петроград, 1916. С. 5–7, 82.

оговорка о публичном порядке призвана обеспечить прежде всего неприкосновенность экономического суверенитета российского государства, правопорядка и системы национального права, интересы российских лиц — участников спора. В этих условиях применение оговорки о публичном порядке позволяет воспрепятствовать проникновению на территорию российской юрисдикции иностранных судебных решений посредством отказа национального суда в их исполнении и признании. Не потеряло актуальности и точности наблюдение Т.М. Яблочкова, что при приведении в исполнение решений иностранных судов государственная власть снабжает иностранное судебное решение исполнительской формулой, т.е. дает этому решению на его территории содействие закона и помощь местных властей⁷. В юридической литературе традиционно отмечалась редкость применения оговорки о публичном порядке и ее общее правоохранительное значение для российской юрисдикции и системы права⁸. В современных условиях обоснованно отмечена тенденция к переосмыслению содержания и критериев применения публичного порядка при ревизии решений как российских, так и иностранных арбитражей⁹.

В контексте действующего законодательства возможно утверждать, что при разрешении российским государственным судом вопроса о приведении в исполнение либо отмене решения российского арбитража соблюдение публичного порядка гарантирует реализацию прин-

ципов законности и защиты нарушенных гражданских прав в третейском разбирательстве применительно к конкретным обстоятельствам дела и правоотношениям сторон. Прежде всего акцент должен делаться на соблюдении принципов независимости арбитража, законности его решения и невозможности установления им прав и обязанностей лиц, не привлеченных к участию в рассмотрении спора. Однако возникает вопрос об уместности, необходимости и критериях использования публичного порядка для оценки решений российских арбитражей по экономическим спорам, не осложненным иностранным элементом, ведь в этих случаях отсутствует конфликт юрисдикций и нет необходимости создавать дополнительные рубежи охраны российской правовой системы от иностранной интервенции. Впрочем, ясности в этом вопросе нет, поскольку в юридической литературе обоснована и иная позиция о более широком арсенале применения категории внутреннего публичного порядка (как совокупности основополагающих принципов российского права) к российским арбитражным решениям, не осложненным иностранным элементом¹⁰.

Во всех случаях оговорка о публичном порядке не применяется произвольно и не может содействовать недобросовестной стороне в получении ею неосновательных преимуществ и выгод, служить опосредованным инструментом регулирования деятельности арбитражных учреждений, преследовать любые иные цели экономического и политического давления на спорящих сторон и иностранные арбитражи.

Практике широко известны примеры вольной и широкой интерпретации сферы применения оговорки о публичном порядке: инициализация отмены и пере-

⁷ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права // Труды по международному частному праву. М., 2009. С. 161. Другое дело, что в цитируемом сочинении автор рассматривает публичный порядок в привязке к «правосудности юрисдикции» и «основательности решения», что требует последующего объяснения.

⁸ См.: Луиц Л.А. Курс международного частного права. В 3-х томах. М., 2002. С. 52; Садиков О.Н. Императивные нормы в международном частном праве // Садиков О.Н. Избранные труды. М., 2015. С. 438.

⁹ Муранов А.И. Применение международным коммерческим арбитражем конкретных норм российского права и публичный порядок России: ошибки судебной практики // Московский журнал международного права. М., 2003. № 2. С. 175.

¹⁰ В литературе высказана позиция, что при разбирательстве внутренних российских споров, не связанных с иностранным правопорядком, категория «публичный порядок» не применяется. См.: Паскаль де Варей-Соммьер, Гетьман-Павлова И.В. Международное и внутреннее публичное право при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право в современном мире. 2014. № 1. С. 146–146.

смотра арбитражного решения стороной спора для нивелирования собственных упущений, допущенных в ходе третейского производства вследствие непрофессионализма; непризнание силы решения арбитража, действующего в иностранной юрисдикции в условиях санкционной войны; выявление пристрастности арбитража посредством установления экономической связанности арбитражного учреждения с конкретной отраслью экономики. Также не находится оснований для утверждения, что государственный суд, используя оговорку о публичном порядке, правомочен пересмотреть любое решение арбитража, мотивируя его отмену неполным исследованием обстоятельств дела, недостаточностью аргументации и мотивированности.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 51 постановления от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее — постановление Верховного Суда Российской Федерации № 53) разъяснил, что под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации¹¹. Таким образом, противоречие публичному порядку, как основание для отмены решения третейского суда, применяется государственным судом в исключительных и экстраординарных случаях при установлении государственным судом неправосудности оспариваемого решения третейского суда, исполнение которого создает угрозу нарушения эко-

номической безопасности российского государства, прав неопределенного круга лиц либо то, что оспариваемое решение третейского суда создает обязанности для лиц, не участвовавших в качестве сторон в третейском разбирательстве¹².

Для отмены или отказа в принудительном исполнении решения третейского суда по мотиву нарушения публичного порядка суд должен установить совокупное наличие двух признаков¹³.

Первый обязательный признак касается содержания допущенного нарушения: публичный порядок нарушается только тогда, когда третейское решение вступает в противоречие с фундаментальными правовыми началами (принципами), составляющими основу экономической, политической, правовой системы Российского государства.

Второй обязательный признак касается последствий допущенного нарушения публичного порядка — должен быть нанесен ущерб суверенитету или безопасности государства, затронуты интересы больших социальных групп, нарушены конституционные права физических или юридических лиц¹⁴.

¹² Такая позиция также согласуется с практикой применения Типового закона ЮНСИТРАЛ, регламентирующего вопросы признания и исполнения иностранных судебных решений, принятых в связи с производством по делам о банкротстве. Согласно статье 7 указанного Типового закона ЮНСИТРАЛ ничто не препятствует суду отказать в признании и исполнении, «если соответствующая мера будет явно противоречить публичному порядку, включая основополагающие принципы настоящего государства, касающиеся справедливых процессуальных требований». См.: Хлестова И.О., Щукин А.И. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, принятых в связи с производством по делам о банкротстве, в свете Типового закона ЮНСИТРАЛ 2018 г. // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 122–139.

¹³ Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации // Закон. 2018. № 9. С. 134–142.

¹⁴ «Этот критерий последствий является обязательным для того, чтобы суд признал необходимым использование данного механизма». См.: Павлова Н.В. Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации. Комментарий к Обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 162–173.

¹¹ Данное понятие повторяет формулировку, отраженную в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений».

Исходя из указанного выше, для отмены решения третейского суда по мотиву нарушения публичного порядка Российской Федерации государственный суд должен установить совокупное наличие двух признаков: во-первых, нарушение фундаментальных принципов построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации, которое, во-вторых, может иметь последствия в виде нанесения ущерба суверенитету или безопасности государства, затрагивать интересы больших социальных групп

либо нарушать конституционные права и свободы физических или юридических лиц.

Таким образом, подход, применяемый российскими судами, отвечает общемировым тенденциям и практике применения Типового закона ЮНСИТРАЛ, поскольку предполагает ограничительное, узкое толкование понятия «публичный порядок» для целей отмены третейских решений и устанавливает пределы его применения.

Окончание в следующем номере.

Литература

1. Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации / А.В. Асосков // Закон. 2018. № 9. С. 134–142.
2. Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика / Ю.Г. Богатина. Москва : Статут, 2010. 406 с.
3. Брун М. Публичный порядок в международном частном праве / М. Брун. Петроград : Сенатская тип., 1916. 97 с.
4. Де Варей-Соммьер П. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) / П. де Варей-Соммьер, И.В. Гетьман-Павлова // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. С. 140–168.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Инфотропик Медиа ; Берлин : [б. и.], 2011. 1111 с.
6. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе / С.В. Крохалев. Санкт-Петербург : Изд. Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. 468 с.
7. Курочкин С.А. Нарушение публичного порядка Российской Федерации как основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений / С.А. Курочкин // Закон. 2013. № 2. С. 39–45.
8. Лунц Л.А. Курс международного частного права. В 3 томах / Л.А. Лунц. Москва : Спарк, 2002.
9. Муранов А.И. Применение международным коммерческим арбитражем конкретных норм российского права и публичный порядок России: ошибки судебной практики / А.И. Муранов // Московский журнал международного права. 2003. № 2 (50). С. 91–105.
10. Павлова Н.В. Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации. Комментарий к Обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке / Н.В. Павлова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 162–173.
11. Садиков О.Н. Императивные нормы в международном частном праве / О.Н. Садиков // Вопросы гражданского права и международного частного права : избранные труды. Москва : Юриспруденция, 2015. 765 с.
12. Хлестова И.О. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, принятых в связи с производством по делам о банкротстве, в свете Типового закона ЮНСИТРАЛ 2018 г. / И.О. Хлестова, А.И. Шукин // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 122–139.
13. Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права / Т.М. Яблочков // Труды по международному частному праву. Москва : Статут, 2009. 262 с.

Arbitrazh-civil procedure

SCIENCEPRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

№ 6/2020

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Treushnikov M.K., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Trunchevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.

Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П11715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 08.06.2020.

Issue was published: 17.06.2020.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 Potapova L.V. First Results of the Procedural Reform

7 Samsonov N.V. Generally Recognized International Law Principles and Provisions in the System of Sources (Forms) of Russian Civil Procedure Law

12 Zvyagina N.S. Procedural Risk Within the Framework of the Implementation of the Legal Certainty Principle

19 Potapenko E.G. Procedural Law Complexes in the Mechanism of the Legal Regulation of Civil Procedural Relations

24 Mozhilyan S.A. On the Demarcation of the Jurisdiction of Courts in Review of Disputes over the Inheritance of Corporate Rights

29 Razdyakonov E.S. The Right to Receive Information About a Judicial Corporate Dispute

34 Viflyantsev A.O. On the Teleological Interpretation of Judicial Activities in Cases on the Contestation of Statutory Acts

39 Branovitskiy K.L. The Digital Availability of Justice: The Transborder Dimension

ISSUES OF RECONSIDERATION OF COURT RULINGS BY COURTS OF SUPERIOR JURISDICTION

45 Kayzer Yu.V. Partial Reversal of a Court Ruling by Way of Reconsideration Based on Newly Discovered or New Facts in a Civil Procedure

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

49 Chuprikov M.V., Nikolaeva A.A. Challenging Issues of the Legal Qualification of Relations Involving Bringing Persons Controlling a Debtor for Subsidiary Liability

ARBITRATION COURT

55 Dolova M.O., Sinitsyn S.A. Limits of the Assessment of an Arbitration Court Ruling with Respect to Contradiction with the Public Order of the Russian Federation

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of results of doctoral theses.

First Results of the Procedural Reform**Potapova Larisa V.**

Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Historical Sciences, Adviser of Justice

In the course of this study, the main goals of the procedural reform implemented since 2019 were analyzed. Despite the fact that not much time has passed since the start of its implementation, it is already possible to assess the first results. The author has grouped the consequences obtained during the initial stage of reforming civil, administrative and arbitration legislation into three blocks — those that are positive, negative, and those that have little impact or are difficult to assess at the moment.

Keywords: procedural reform, jurisdiction, jurisdiction, simplified procedure, civil procedural codes, reasoning part of a court decision, court of General jurisdiction, arbitration court, recovery of court costs.

Generally Recognized International Law Principles and Provisions in the System of Sources (Forms) of Russian Civil Procedure Law**Samsonov Nikolay V.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law), Associate Professor

The article examines the place and role of generally accepted principles and norms of the international law and the role of the international treaties in the system of sources (forms) of Russian civil procedural law. The relevance and the debatable nature of this issue is noted. The analysis of the importance of the principles and norms of the international law for the development of Russian civil procedural law is given. The article investigates the possibility of recognition of the international custom as a source (form) of civil procedural law. The thesis about the necessity of normative consolidation of international custom in the international agreement of the Russian Federation, as an indispensable condition for recognition of international custom as a norm of Russian procedural law, is substantiated. However, author notes, when an international custom is fixed in an international treaty, the source of Russian procedural law is an international treaty, but not custom.

Keywords: generally accepted principles and norms of the international law, sources (forms) of civil procedural law, international custom, international treaty, the Constitution of the Russian Federation.

Procedural Risk Within the Framework of the Implementation of the Legal Certainty Principle**Zvyagina Natalya S.**

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Faculty of the Voronezh State University (VSU)
Teaching Assistant of the Department of State and Administrative Law of the Law Institute of the Kemerovo State University (KemSU)

In this paper, the author explores the significance of risk in the civil process of the Russian Federation. The article gives the concept of procedural risk in civil proceedings, identifies the main signs of risk in the civil process, to which the author relates the objective-subjective nature, legal nature, the connection of procedural risk with the civil procedural relationship and others. The work contains an analysis of the provisions of the current civil procedural legislation regarding the conformity of procedural risk with the criteria and requirements of the principle of legal certainty. The author concludes that the principle of legal certainty in civil proceedings allows for procedural risks, but limits this choice to the possibilities of a procedural form, not allowing the process to be chaotic.

Keywords: procedural risk, risk in civil proceedings, adversarial process of the parties, legal certainty, procedural actions (inaction).

Procedural Law Complexes in the Mechanism of the Legal Regulation of Civil Procedural Relations**Potapenko Evgeniy G.**

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Saratov State University
Associate Professor of the Department of Arbitration Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

The article briefly describes the author's concept of the legal regulation mechanism of civil procedural relations. It is noted that in the regulation of procedural relations the procedural rules are interconnected in the relevant procedural complexes which include general and special procedural rules. With an expansive or restrictive interpretation of the procedural rules, as well as with a concrete interpretation of the rules with a relatively defined disposition, legal and interpretative special provisions arise which differ from clarifying legal provisions. When applying special rules with a relatively defined disposition, the courts develop individual special legal provisions, they base on generalization of the practice of implementing such norms and the actual circumstances of the case. Complexes of procedural norms (general and special) in combination with legal and interpretative special provisions and individual special legal provisions constitute a single pro-

cedural and legal complex that ensures the full regulatory impact on civil procedural relations. The article provides an analysis of the current procedural legislation and judicial practice. In the article the conclusion is substantiated that the primary element in the legal regulation mechanism is not a procedural norm but a procedural legal complex.

Keywords: civil procedure, arbitration process, specification of law, legal regulation mechanism, implementation of civil procedural law, judicial discretion.

On the Demarcation of the Jurisdiction of Courts in Review of Disputes over the Inheritance of Corporate Rights

Mozhilyan Sergey A.

Legal Adviser at Group of Companies ORETEX Textiles Joint-Stock Company

The article is dedicated to an analysis of law enforcement issues arising in view of the inheritance of corporate rights in business partnerships and entities by citizens. The practice shows that such heirs are forced to address courts with claims for the protection of their violated right caused by bad faith actions of legal entities: the collection of the fair value of a share of the authorized capital of a limited liability company, challenging the fair value of a share. At the same time, in some cases, heirs erroneously interpret the provisions of the Code of Commercial Procedure of the Russian Federation and the Civil Procedure Code of the Russian Federation in terms of court competence, which leads to the incorrect determination of jurisdiction to settle the dispute and the selection of a competent court.

Keywords: court competence, jurisdiction, inheritance, corporate rights, business partnerships and entities.

The Right to Receive Information About a Judicial Corporate Dispute

Razdyakonov Evgeniy S.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article discusses the procedural status of participants in corporate disputes considered by arbitration courts and courts of general jurisdiction in the context of the right to receive information about such a dispute. The author identifies three procedural obligations that correspond to such a right: the obligation to make pre-trial notices, the obligation to disclose information by a court, the obligation to disclose information by a corporation, and the right of an interested person to independently receive information about a corporate judicial dispute. In the latter case, the author comes to the conclusion that there is a gap in the legal regulation, since the law gives only the corporation such a right, although by analogy, other participants in a corporate dispute could be given this right.

Keywords: corporate litigation, corporation, third parties, procedural rights, procedural status, information disclosure.

On the Teleological Interpretation of Judicial Activities in Cases on the Contestation of Statutory Acts

Viflyantsev Andrey O.

Postgraduate Student of the Law Faculty of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

The term "court activity" will, in all likelihood, forever remain the subject of discussion among scholars of procedural law seeking a more appropriate designation. The author analyses court activity by teleologically interpreting the cases of challenging normative legal acts. Having analysed court practice, the author establishes that courts view court practice in cases of challenging normative legal acts as discretion of the court with the goal of providing help to one of the parties. The author then provides counterarguments to this approach and reaches the conclusion, that teleological interpretation of court activity should become fixed in legislation in order to assist the citizen with the realisation of his or her procedural rights.

Keywords: principles of administrative court proceedings, active role of court in the procedure, optionality, contentiousness; objective truth.

The Digital Availability of Justice: The Transborder Dimension

Branovitskiy Konstantin L.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

LL.D., LL.M. (Kiel, Germany)

This article discusses the issues of access to justice in the international civil process, namely its digital component. Today, many legal systems, including the Russian one, enforcement agencies have come quite far in the digitalization of justice and in understanding the access of justice. Despite the fact that the accessibility of digital justice is so far the only concept emerging in the procedural doctrine (in terms of the broader term, accessibility of justice) that requires detailed scientific justification, it is hardly possible to deny its existence. The purpose of this article is not to analyze the state of digital access in the domestic legal system, but to try to reflect on its need for cross-border measurement, using examples of individual procedural institutions

of the international civil process (judicial summons, collecting evidence abroad, recognition and enforcement of foreign judgments).

Keywords: International Civil Process, Digitalization Civil Procedure, videoconferencing, cross-border disputes.

Partial Reversal of a Court Ruling by Way of Reconsideration Based on Newly Discovered or New Facts in a Civil Procedure

Kayzer Yulia V.

Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure of the Dostoevsky Omsk State University (OmSU)

PhD (Law), Associate Professor

In the article the author points out the necessity to work out the issue of the status of the "improper" representative. Resulting from the study, it is proposed to use legal categories such as "proper" and "improper" representative. Considering the abovementioned, the issue of the influence of participation of a proper and improper representative on the possibility of recoveries from non-prevailing party of representation expenses incurred by the principal in the case is investigated.

Keywords: civil process, annulment of a judicial act, review of judicial decisions, new circumstances, newly discovered circumstances.

Challenging Issues of the Legal Qualification of Relations Involving Bringing Persons Controlling a Debtor for Subsidiary Liability

Chuprikov Mikhail V.

Legal Counsel at the Meyer and Partners Volgograd Bar Association

Nikolaeva Alina A.

Graduate Student of the Volga Branch of the Volgograd State University

The article is devoted to some problem issues during resolving disputes to bringing of controlling persons to subsidiary liability for failure to file a bankruptcy petition or untimely submitting a bankruptcy petition.

The defendant can be released from liability if the organization's management bodies have an economically justified plan to overcome the financial difficulties. However the current legislation does not contain both the term of «anti-crisis plan» and the integral parts of this document.

Moreover, the new version of the bankruptcy law and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation contain not only the legal criteria for assessing the behavior of the person being held liable, but also criteria are associated with related fields to the law. That is why there are some risks of incorrect qualification of the disputable relationships.

The authors consider it is necessary to make amendments to the current legislation and to share the proposals to solve these problems.

Keywords: insolvency, subsidiary liability, failure to file of bankruptcy petition, proving, arbitration assessor, anti-crisis plan.

Limits of the Assessment of an Arbitration Court Ruling with Respect to Contradiction with the Public Order of the Russian Federation

Dolova Maria O.

Senior Research Scientist of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

PhD (Law)

Sinitsyn Sergey A.

Leading Research Scientist of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

LL.D.

The article examines the limits of verification of arbitration award on its compliance with the public policy of the Russian Federation. The authors prove that arbitral award cannot be challenged in the court due to its contradiction to public policy based on violation of the legality and reasonableness of an arbitration award. Such challenge requires a finding of a violation of fundamental principles of law, which resulted in the actual deprivation of the constitutional right of judicial protection. At the same time, such a violation must include significant infringements of the procedural rights of the parties, which led to the absence of an actual opportunity to take part in court sessions, to defend position and present evidence. Otherwise, the difference between an appeal of a court decision and the challenge of the arbitration award will be erased.

Keywords: public policy, cancellation of an arbitration award, civil procedure, commercial procedure.